

Дмитрий Леонидович

ЕЩЕ ОДИН
НЕКРОМАНТ
3

*Прыжок
назад*

Мир некромантов

Дмитрий Леонидович

Еще один некромант

3. Прыжок назад

«Автор»

2023

Леонидович Д.

Еще один некромант 3. Прыжок назад / Д. Леонидович —
«Автор», 2023 — (Мир некромантов)

Герой умер. И опять ему нет покоя после смерти. Его занесло... обратно на Землю. Чем заниматься некроманту на Земле? Много чем. Вылечить свое тело, прятаться от внимания спецслужб, делать мир лучше.

© Леонидович Д., 2023

© Автор, 2023

Содержание

1. Пробуждение	5
2. Восстание с грядки	13
3. Встречи, переговоры, неожиданности	18
4. Ночные забавы	23
5. Первый амулет на Земле	30
6. Переезд	36
7. Контакт между мирами	40
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Дмитрий Леонидович

Еще один некромант 3. Прыжок назад

1. Пробуждение

Я открываю глаза.

Надо мной – потолок. Гладкий белый потолок. Слишком гладкий. Слишком чистый. Под ним никогда не жгли сальные свечи или жаровни.

Приглушенный холодный свет. Электрический.

Я на Земле.

«Нет! Нет-нет-нет!» – душа трусливо пытается скрыться обратно в темноту.

Я не хочу находиться здесь.

В мире, где я был винтиком огромного механизма. Овцой из стада. Безумным сперматозоидом, который в стае таких же сперматозоидов вынужден всю жизнь стремиться к далекой цели, не задумываясь, что победителем станет только один из миллионов. В конце жизни участники этой гонки будут хвастаться тем, какой длинный путь они прошли, не догадываясь, что этот путь вел в никуда.

Хотелось вернуться в Тот Мир, туда, где я что-то значил. Туда, где были люди, которые идут за мной, моя жена, мой сын, мои владения, мое место под небом.

Уйти в темноту не удалось. Что-то держало.

* * *

«С другой стороны, я жив» – нашел я повод для оптимизма.

«А это точно хорошо?» – засомневался. Для некроманта ответ на этот вопрос был не таким уж однозначным.

«Надо понять, где я, и что мне делать».

Повернул голову. Огляделся. Я на кровати. В довольно большой комнате. Один.

Комната в здании старой постройки, с толстыми стенами – это видно по глубоким проемам двери и окон. Рядом – стойка с оборудованием. Один из мониторов светится и попискивает в такт моему пульсу.

Я в больнице.

* * *

«В чем я теле?» – в голове всплыл важный вопрос.

Поднес к глазам руку. В вене торчит капельница. Рука – тонкая, как у девушки, с бледной кожей, но покрыта темными волосками. Это несоответствие режет глаз. Ладони не девичьи, вполне нормальные ладони, широкие, с длинными пальцами. Не такие широкие, как были у Бенека, но для землянина Андрея вполне подходящие. Мои?

Смотрю на линии на ладонях. Да, мои. У меня линия жизни на одной руке прерывается, а на другой – линия разума в конце ветвится натрое. Когда-то одна из знакомых увлекалась хиромантией, обратила мое внимание. Говорила – это признаки угрозы смерти или переезда в другую страну и опасность шизофрении. Знала бы она, насколько оказалась права...

Раз рука моя – значит и тело мое, земное. Только вот состояние у него так себе.

Руки слабые. Я не просто похудел, у меня мышцы атрофировались, руки еле двигаются.

В голове – мутно. Тошнит. Всё тело ноет и чешется.

Хотя нет, не всё. Ниже пояса не ноет. И это плохо, очень плохо, потому что я не чувствую своих ног.

Приподнимаю голову, смотрю вниз. Одеяло обрисовывает контуры тела. Вроде все части присутствуют. Но ног я не чувствую и пошевелить ими не могу.

«Перелом позвоночника?».

«Твою ж мать!».

* * *

«Кто я теперь?» – этот вопрос был не таким простым.

В прошлое воскрешение мне пришлось потратить какое-то время, чтобы совместить память моей души с памятью тела, в которое я угодил. Сейчас у тела никакой собственной памяти я не обнаружил. Что бы с ним ни делали в отсутствии моей души, никаких воспоминаний об этом не осталось. И это, пожалуй, хорошо.

Стал ли я опять Андреем Денисовым с Земли? Нет. Пока я жил в Том Море, моя душа усвоила память тела Бенека. Может, что-то из воспоминаний наемника Бенека и потерялось, но я об этом вряд ли узнаю. Я чувствую себя тем же человеком, кем был до прошлой смерти. И это очень-очень хорошо.

Если бы я снова стал землянином Андреем и очутился в изможденном слабом теле с переломанной спиной, я бы смог только биться в истерике и выть от безысходности. А Бенеку Повелителю Смерти, маркграфу Московскому, биться в истериках не пристало. Бенеку привычнее решать проблемы мечом и магией. А если проблему решить невозможно – обойти ее.

* * *

Ноги парализованы. Руки слабые, как у дохлого котенка. Исходные условия так себе.

«Может, умереть?». Я обдумал этот вариант.

Вот умру я. Моя душа попадет на *изнанку*, есть шанс, что она потом влезет в какое-то мертвое тело. И, может даже, тело это будет находиться в Том Море. Я смогу вернуться к жене, пусть и под видом другого человека. Но шансы на это очень-очень слабые.

Никто точно не знает, по каким критериям *мироздание* решает, какие души идут на перерождение, а какие бесполезно растворяются на *изнанке*. Может, самоубийство – как раз основание для того, чтобы душа погибла.

Вот если бы я был на месте *мирозда*ния и разводил души, как разводят породистых котиков. Я бы пытался вывести котиков с красивой белой шерсткой. Но если бы котик с красивой белой шерсткой не захотел жить и помер от тоски, даже не пытаясь повзрослеть, кошечки ему для размножения не досталось бы. Мало быть белым и пушистым, кошечки достаются только тем котикам, которые умеют за себя постоять. Это один довод против быстрой смерти.

Второй довод – очень вероятно, что мне при прошлом воскрешении просто повезло попасть во взрослое тело, лишенное души. А если бы не повезло, моя душа угодила бы в крошечный мозг младенца и забыла всё, что знала. Хочу я стать младенцем и всё забыть? Не очень.

Вариант с быстрой смертью вычеркиваем.

* * *

Я слегка поелозил на постели. Спина ныла, кожа на руке под пластырем, который удерживает иглу капельницы, чесалась. Движение по простыне отзывалось острой болью, как будто у меня на спине открытая рана.

Да уж, воскрешение не из приятных. Пожалуй, даже очнуться в подвале в куче трупов было бы лучше, лишь бы здоровым.

Итак, вариант со смертью вычеркнули. Что дальше? Тело слабое, никчемное и искалеченное. А магия? Некромантия у меня осталась?

Я приподнял голову, пытаюсь разглядеть свое *средоточие*. Да, вижу отблески *энергии* в магическом зрении. Магический дар у меня сохранился. Ура. С магией, в мире, где о ней никто не знает, я многое могу, даже если останусь прикованным к инвалидному креслу. Жаль, почти ничему не успел научиться в Том Море.

Но оставаться парализованным всё равно не хочется. Какой смысл в магии, власти или, скажем, в деньгах, если из телесных удовольствий почти ничего не доступно? Мартелю вполне

комфортно оказалось существовать в виде призрака, а Петору – скелета. Но они прожили свою человеческую жизнь и взяли от нее всё, что хотели. А я – еще нет.

Вот если бы меня полечила ведьма – я бы отрастил себе новый спинной мозг... но где ж ее взять, ведьму эту?

* * *

За окнами светлело. Глаза заметили движение – крупный паук за стеклом плел паутину, смешно шевеля длинными лапками. Его подсвечивали лучи солнца на фоне темной листвы деревьев. Рядом появился еще один, чуть помельче. У них там, оказывается, семья.

Что с моей семьей? Ланейла сильная девушка, она сумеет отстоять наши земли. Новые захватить не сможет без меня, а отстоять то, что уже есть – сумеет. И сын у меня есть, законный маркграф Московский, это хороший аргумент против попыток захвата наших земель.

К моменту моей гибели мы находились с королем Милоссии в состоянии вооруженного нейтралитета. Он готов был признать мою независимость в обмен на помощь в войне с горцами Южной марки. А я готов был признать вассалитет королю, мы торговались вокруг титула герцога и западных графств, которые я хотел взять под себя, чтобы обезопасить границы ослабленной страны от нападения со стороны Алитании. Так что с королем всё неплохо.

Соседи-графы по своей воле не решатся напасть на Ланейлу. Проверить на прочность, подослав какого-нибудь барона на грабеж моих земель, могут, но чем ответить на такую проверку, у жены есть.

Плюс к этому у нее есть большой козырь, темная лошадка в рукаве, которая перебивает вообще всё, – у нас заключен договор о мире и взаимопомощи с маркграфом Русским, а его представитель, мертвый некромант Петор, живет в моем замке. Хотя слово «живет» для мертвеца не очень подходит.

В общем, беспокоиться о жене и сыне не стоит. Тем более, помочь я им пока не могу. А что я могу?

Я могу возвыситься там, где я есть. На первом этапе возвышения я должен овладеть собственными возможностями, потому что чем больше личная сила, тем более сильных союзников удастся привлечь. Так книга «О поиске равновесия» говорит, а она проверена веками практики и не врет.

Вот и буду возвышаться. Для начала надо попробовать кого-то убить – проверить свою некромантскую силу. Вон того паука за окном, например.

Я перехожу на магическое зрение и сосредотачиваюсь на маленьком охотнике, который еще не знает, что стал жертвой. Привычно разрываю мысленным жестом связь его духа и тела. Паук начинает судорожно шевелить лапками. Потом падает. Магия работает.

Облегчение. Позволяю себе немного поблаженствовать. Даже улыбка на лицо выползает.

Потом я перехожу к более сложной и неприятной задаче – начинаю тренировать руки, разминать пальцы. Они двигаются неуверенно, как будто забыли, как это делается. Я тренируюсь. Мне надо стать сильным и ловким. Или хотя бы вернуть способность тыкать на кнопки и писать.

* * *

В здании проснулась жизнь. По гулким лестницам и коридорам доносились шаги, отзвуки разговоров, гудение лифтов. Скоро послышались шаги и голоса и на моем этаже.

Я лежал неподвижно, прикрыв глаза. Дневной свет их резал.

В мою палату вошла девушка. Высокая, стройная, блондинка. Волосы длинные, обесцвечены. Глаза голубые. Кожа гладкая, здоровая, матово-белая. Лицо правильное, но некрасивое, пустое, не выражает никаких эмоций. Узкобедрая, длинноногая. Чуть косолапит при ходьбе и немного подворачивает правую ступню. Видимо, у нее плоскостопие и слабые связки. На коже между верхом тряпичного тапочка и краем штанишек медицинской формы видна вздувшаяся вена.

«Я не хочу иметь никаких дел с этой Барби» – почему-то решил я. Потому не подал виду, что в сознании, только лежал и наблюдал сквозь прикрытые веки.

Медсестра подошла ко мне. Проверила показания приборов. Стащила одеяло. Стала менять памперс, привычными профессиональными движениями, с безразличным лицом.

Не сразу я заметил, что что-то режет мне глаз при взгляде на нее. Потом понял – выражение лица. У нее их было как бы два – одно, высокомерно-спокойное, она носила, как витрину, а второе, отражающее настоящее настроение, иногда проявлялось в мгновенных недовольных гримасах.

Девушка повернула мое тело на бок, проверила спину. Что-то там смазала, стало жечься, но потом наступило облегчение – исчезла ноющая боль. Потом сестра приподняла по очереди мои ноги и быстро осмотрела пятки. Там тоже что-то смазала. Затем накрыла одеялом, повернулась и вышла.

За все время она так и не посмотрела на мое лицо.

* * *

В Московской марке, в замке Планорт, Ланейла, регент при сыне-младенце, готовилась к сожжению тела мужа.

– Маркграфиня, у меня к тебе важный разговор, – в гостиную ее покоев вошел скелет, мертвый некромант Петор.

– Эри, – подозвала Ланейла ведьму.

Та встала у нее за спиной и привычно положила руку на плечо.

– Этот разговор не для чужих ушей, – предупредил мертвец.

– Всем выйти, – бросила молодая вдова слугам и фрейлинам. Ведьма осталась на месте, за ее плечом.

– Твой муж был чрезвычайно сильным некромантом. Никто из магов не сможет призвать его душу с *изнанки*. Никто, кроме маркграфа Русского.

– И?

– Мой господин предлагает призвать твоего мужа призраком, закрепить в этом мире, чтобы его душа не вселилась в кого-нибудь, а потом они с Бенekom решат, то ли оставить его призраком, то ли превратить его в скелет, как меня. Возможно даже со временем удастся дать ему новое живое тело.

– Если мой муж будет призван твоим господином, он попадет под его власть.

– Это так. Но другого пути нет. Или довериться моему господину, или душа переродится и потеряет память.

– Зачем это твоему господину? Получить власть над нашими землями?

– Нет, земли ему не нужны. Его интересует возможность возврата мертвеца. Мой господин тоже может умереть. И никто, кроме твоего мужа, не сможет его призвать. Твоего мужа, если он будет находиться в живом теле.

Рука ведьмы спокойно лежала на плече маркграфини, знаков не подавала. Мертвец не лгал.

Ланейла оценила варианты. Был некоторый риск, что Тимос Русский захочет за эту услугу подмять под себя их марку. Но этот риск окупался его помощью против других потенциальных противников. Вернуть любимого мужа или попытаться отстоять независимость для сына?

Независимость была не столь важна. Во-первых, ее всё равно хотели обменять на титул герцога, во-вторых – независимость есть, когда есть сила. А когда силы нет – и независимости быть не может. Возврат мужа резко усилит марку, даже если у него будут обязательства перед Тимосом Русским.

– Я согласна. Что нужно?

– Пошлите с голубем моему господину прядь волос покойного Бенека.

Заговорила Эрефа:

– С голубем такой ценный груз посылать опасно. Птица может выбиться из сил и замерзнуть в горах. Ее может перехватить другая ведьма. Хищник может убить, в конце концов.

– Призвать Бенека не сможет никто, кроме Тимоса. Силы не хватит. Если прядь потеряется – большого вреда не случится, можно будет просто послать еще одну.

– И всё же я настаиваю. Нашего господина убили люди из Гильдии, они могут обеспечить перехват наших голубиных посланий. Нужно посылать не с голубем, а с надежными людьми.

Мертвец задумчиво пощелкал нижней челюстью. Потом согласился.

Ланейла сама срезала с головы мужа прядь волос, перевязала ее ленточкой, уложила в медальон и наедине, не сказав никому ни слова, передала знаменосцу покойного маркграфа. Тот с небольшим конным отрядом на следующий день выехал через Алитанию в сторону Русской марки. Путь по зимним дорогам займет больше недели, зато продвижение отряда можно будет контролировать, обмениваясь сообщениями через посыльных-призраков.

Конечно, эта прядь была не единственной. Еще один образец волос остался в сокровищнице замка. На всякий случай.

Днем в присутствии гостей провели сожжение тела. Вдова на церемонии выглядела грустной, но спокойной и уверенной в себе.

* * *

Через час медсестра-Барби пришла в сопровождении молодого парня. Парень был одет в голубую медицинскую форму, а не белую, как медсестра. В руках он держал папку с листами, прижатыми под зажимом. Под его внешней уверенностью иногда проглядывало беспокойство и желание самоутверждения.

– Стабилен? – он почти не обращал внимания на меня.

– Да. Все показатели в норме.

Врач посмотрел на мониторах температуру, давление и прочие данные, занес их на свой опросный лист.

– Пролежни?

– Есть небольшие, обработала. На пятке самый сложный.

Врач глянул на пятку, послушал мою грудь стетоскопом.

– Хрипов в легких нет, – отметил с удовлетворением.

Поставил очередную пометку, подписал форму и ушел вместе с Барби, так и не посмотрев мне в глаза.

Когда они вышли, из-за двери донеслось:

– И долго он так будет лежать?

– Пока за него платят. Или пока не умрет от сепсиса или отказа органов.

* * *

Я задумался над услышанной фразой. Кто за меня платит? Родители? Вряд ли, они небогаты.

Современная медицина может поддерживать жизнь даже в трупe. Но лечение тяжелых больных – занятие дорогостоящее.

Врачи знают, что большинство людей готовы многое отдать за здоровье и жизнь своих близких. Их так воспитали. Людям десятилетиями внушают, что это правильно, отдать последнее, чтобы купить своим родителям еще пять лет жизни, что это и есть гуманность и любовь. Старики циничнее и богаче молодых, и многие из них готовы отдать свое имущество ради продления своей жизни, вместо того, чтобы оставлять деньги детям и внукам. Потому лечение старческих болезней – яркий пример общественной неразумности.

Чем богаче страна, тем большие средства тратят на лечение стариков. Это всё равно, что постоянно перебирать и ремонтировать старый, давно вышедший из производства, автомобиль. Любой опытный автовладелец знает – рано или поздно становится дешевле купить новую машину. Вместо одного дряхлеющего американца с болезнью Альцгеймера можно было

бы спасти от смерти десятки африканских детей, умирающих от туберкулеза или малярии. Или сотню умирающих от голода. На исследования рака, деменции или способов восстановления эрекции тратятся деньги, во много раз большие, чем на болезни, ежегодно убивающие миллионы людей в бедных странах.

Если есть спрос – найдется и предложение. Врачи и фармацевты умеют выжимать максимальную прибыль из пациентов. Чем больше готовы платить, тем более дорогие лекарства и методы используются. Главная часть затрат делается через государство или медицинское страхование. Люди думают, что это забота о них, но на самом деле – забота о платежеспособном спросе на услуги медиков и фармацевтов, аппетиты которых растут с каждым годом.

В Том Море так не поступают. Там любой, у кого есть хоть какие-то средства, рождает как можно больше детей и в первую очередь заботится о них. Никому и в голову не придет заложить свой дом, чтобы оплатить ведьме омоложение старика. Когда дети подрастут – они не дадут родителям умереть от голода. Но они не станут продавать своих детей в кабалу ради того, чтобы продлить еще немного жизнь отца или матери. А многие земляне именно так и поступают – тратят на лечение деньги, которые могли бы пойти на обучение и покупку жилья для молодежи, а затем молодые вынуждены влезать в кредиты или откладывают рождение своих детей.

Ирония заключается в том, что любая ведьма знает – если оленей охранять от волков, они вырождаются или передохнут от эпидемий. Если медицина чрезмерно охраняет людей от болезней, выживают слабые, и население страны вырождается.

Но вернемся к нашим баранам.

Лечение тяжелых больных – занятие дорогое. Оплата палаты и медицинского оборудования, дорогие медикаменты. Мои родители такое лечение на протяжении многих месяцев не потянут. И всё же меня лечат. Кто?

* * *

Я целый день тренировал пальцы и пытался вспоминать магические *знаки*, которые успел выучить под руководством Петора. Уверенно знал и умел рисовать я всего десяток самых простых и важных *знаков*. Десяток из нескольких тысяч известных иероглифов магического алфавита. Еще я успел выучить несколько простейших схем *мыслеформ*.

День прошел скучно. Голова была мутной, я много спал.

Ко мне под вечер еще раз заглянула медсестра. Проверила, в норме ли показатели, поменяла капельницу, и ушла.

* * *

Ланейла вызвала к себе своего нотариуса.

– Пиши мой указ. Я, регентствующая маркграфиня Ланейла, решила. Гильдия магов Милоссии в лице своего следователя, убила моего мужа, тем самым поставив свой суд выше суда аристократов моей марки. Это недопустимо. Отныне и навсегда деятельность Гильдии Милоссии в моей марке запрещена. Чтобы заполнить ее место, учреждается Гильдия Московской марки. Магам, желающим работать на моих землях, дается три месяца на переход в местную гильдию. Всё. Оформи, как надо и подай на подпись.

Нотариус поклонился и сосредоточился на документе.

– Кто станет руководителем новой гильдии? – поинтересовался Петор.

– Я бы с радостью предложила тебе эту должность. Но ты не властен над своими клятвами, ты всегда будешь служить Тимосу Русскому. Из тех, кто у меня есть, самый авторитетный маг – Лонгет.

– А если создать общую гильдию Русской и Московской марок? Мы тоже не очень рады попыткам гильдейских магов влиять на нашу жизнь.

Ланейла задумалась. Потом кивнула.

– Мысль неплоха. Без вашей поддержки я не смогу выдержать давление Гильдии. Они просто лишат меня магов, те побоятся перечить магистрам и сбегут. А с поддержкой – очень

даже возможно. Но сначала я создам собственную гильдию, а вы – свою. И только потом мы их объединим.

– Ты решила разорвать связи с Гильдией, понимая, что не выдержишь давления? – удивился мертвец.

– У меня нет другого выхода. Я не могу простить им убийство мужа. И я надеюсь на поддержку других аристократов и короля. Они должны понимать, что вчера гильдейские посмели судить моего мужа, а завтра придут к ним. Магистры зарвались, их нужно поставить в стойло! – под конец Ланейла не сдержалась и повысила голос.

* * *

Следующий день отличался от предыдущего только тем, что пришла другая медсестра.

Эта была старше, лет тридцати пяти-сорока. Располневшая женщина со светло-русыми волосами, которые выглядели неухоженными и серыми. Ее лицо выражало привычную усталость.

Наверное, она была одинока и давно потеряла надежду найти мужчину. Жила в небольшой квартире с тремя кошками и котом. Кошек она подобрала на улице из жалости. Подобрала, вымыла, вылечила и стерилизовала, чтобы те не орали во время течки. И кота кастрировала, ведь без этого он метил углы и имел плохой характер.

Хотели бы кошки такой судьбы? Не уверен. Сытая жизнь в тепле приятна, но я бы не согласился отдать свои яйца и свободу в обмен на сухой корм и жизнь взаперти.

Нужна ли кошкам такая забота? Не уверен. Кошки сотни тысяч лет жили без помощи человека. Они способны выживать в дикой природе, а уж выжить в городе им и вовсе несложно. Пусть даже на помойке.

Полезна ли забота о бездомных кошках обществу? Нет. Бездомные кошки, в отличие от бездомных собак, на людей не нападают. Они, кроме прочих занятий, ловят крыс. А крыс в городе полно. Потому что есть помойки, а еще есть теплые подвалы, и рядом с подвалами живут добрые бабушки, которые разбрасывают корм для голубей, не задумываясь о том, что большую часть этого корма поедают не голуби, а крысы.

Люди вообще мало задумываются, когда пытаются вершить добро. Им нужно его вершить, чтобы считать себя хорошими людьми, вот они и делают, что не жалко. Забота о кошках и голубях дает возможность не задумываться о безразличии к людям.

С этой медсестрой мне тоже не захотелось иметь дел. Я опять не подал вида, что нахожусь в сознании.

* * *

После ее ухода я задумался: почему я замечаю так много деталей и откуда все эти мысли о кошках, медицине, характере людей?

Я в последние месяцы в Том Море под присмотром Ланейлы изучал науку общественного равновесия. Но я находился в самом начале пути. Этого мало для настоящего понимания и применения знаний.

И всё же я понимал.

Было похоже на внезапно проснувшуюся интуицию.

Внезапно ли? Раньше во время важных переговоров за моим плечом стояла ведьма и подавала мне знаки, когда собеседник был настроен враждебно или пытался что-то скрыть. Но я часто замечал, что опережаю ее сигналы, догадываюсь о них заранее.

Когда-то такого не было. Я стал чувствовать людей в последние пару месяцев.

Что случилось два-три месяца назад? Казалось бы, ничего.

Ничего не произошло, но у меня появилась интуиция, которая свойственна ведьмам.

Я часто общался с двумя ведьмами, Эрефой и Жинерой. И регулярно спал с ними, по очереди. Но интуиция половым путем не передается.

«А по связи *родства*?» – озарило меня.

У меня ведь должна была осенью родиться дочь от сильной ведьмы, Волены!

Эта дочь должна иметь силу, близкую к максимальной. Значит, если ее способности передаются мне через *струны родства*, их ранг при передаче падает на единицу, и я стал обладателем интуиции на уровне ведьмы среднего уровня силы. Про передачу способностей по *струнам родства* мне не говорили, но в общую логику магических законов это вполне укладывается.

Интуиция – это очень интересно и полезно. Очень. Только как ее проверить? Вдруг я просто обманываю себя?

«Интересно, а что получит от меня по нашей связи дочка?» – мелькнула мысль.

За исключением этих догадок, день прошел скучно. Я разминал руки, вспоминал магические знаки, много спал.

2. Восстание с грядки

Третий день моего присутствия в больнице начался, как обычно. В палату вошла медсестра.

Она оказалась лет тридцати, среднего роста, стройной, довольно симпатичной. Волосы окрашены в цвет шоколада, глаза голубые, на лице – улыбка.

Девушка окинула комнату быстрым взглядом, проверила показатели на мониторах, озадаченно дернула уголок рта. Стащила одеяло, осмотрела меня. Того, что я в сознании, не заметила, я лежал неподвижно, с закрытыми глазами.

– Ну, больной, давайте переодеваться, – сообщила она мне довольным тоном, не надеясь на ответ. – Сегодня вы выглядите намного лучше. Вот мы сейчас еще пяточку смажем, и всё у вас будет хорошо...

Я промолчал, хотя очень хотелось поинтересоваться, что же во мне улучшилось. Эта девушка мне определенно нравилась. Она была живой, импульсивной и почти не прятала свои эмоции под лицемерным фасадом.

После ее ухода я провалился в сон. Меня разбудил врач, парень в голубой форме. Он в этот раз сам меня осмотрел, а не полагался на мнение медсестры. Его старательность скоро получила объяснение – сегодня был обход.

В палату ввалилась целая толпа во главе с седым дядькой с глазами доброго убийцы.

Молодой доктор встал рядом с койкой по стойке «смирно» с папкой в руке и отчитался перед начальством:

– Пациент Андрей Денисов, жертва аварии, множественные переломы ног и таза, повреждения внутренних органов, перелом позвоночника. Удалена почка, частичное удаление кишечника, операции на печени и легких. Три недели пролежал в коме, потом перешел в вегетативное состояние, в котором находится до сих пор. Состояние стабильное, внутренние органы пока не отказывают, пневмонии нет, пролежни даже улучшились в последние дни.

– Прекрасно, прекрасно, – покивал головой седой дядька в белом халате. – Ваши предложения?

– Продолжать уход и поддержание функций организма. Сегодня по графику у него массаж ног и электростимуляция мышц.

– Прекрасно. Продолжайте в том же духе.

Вся толпа медиков удалилась.

* * *

После обхода ко мне вернулась медсестра.

Она с сосредоточенным лицом тщательно массировала мои ноги, рассказывая мне, что хороший массаж убережет меня от тромбов. Я ничего не чувствовал.

– Ну вот, – девушка убрала со лба растрепавшуюся прядь. – А теперь, больной, у вас тренировка.

Она застегнула на моих руках манжеты с электродами и подключила их к приборчику. Мои мышцы напряглись и задергались. Ощущение оказалось терпимым, хотя приятным его вряд ли можно было назвать.

Девушка устроилась в гостевом кресле, скинула с ног тапочки и положила пятки на мою кровать. Достала из кармана смартфон и стала что-то читать на его экране.

Я принимал процедуру и любовался миниатюрными пальчиками ее ног с темно-красными ноготками. Это зрелище приятно возбуждало, вытаскивало мое сознание из полусонной мути, в которой я провел последние дни.

Медсестра несколько раз меняла положение электродов.

– Ну вот и всё, – по-прежнему не рассчитывая на ответ сообщила она. – Теперь у меня обед. Вы же не против, больной?

Девушка вышла и вернулась с пластиковыми коробочками.

– У вас, больной, очень уютная и спокойная палата, – доверительно сообщила она. – С вами кушать гораздо приятнее, чем в комнате персонала.

Медсестра с аппетитом уплетала какой-то салатик. Потом открыла десерт. Я почувствовал запах клубники.

– Я читала, больной, что людей в вашем состоянии могут разбудить знакомые вкусы. Сейчас я дам вам попробовать клубнички.

Девушка откусила кусочек ягоды, пальчиком приоткрыла мне губы и сунула надкушенную ягоду между ними. Я не удержался, обхватил клубнику губами и втянул ее в рот.

Девушка распахнула от удивления глаза.

Я прокашлялся и сумел просипеть пересохшим горлом:

– Спасибо. Вкусно.

– Ой! Вы очнулись! Я сейчас позову...

– Стоять! – девушка замерла в прыжке. – Не торопись никого звать.

– Надо сказать лечащему врачу.

– Не торопись. Лучше расскажи, где я и что со мной.

Разговаривать мне было сложно – отвык не только говорить, даже думать на русском. Я слушал девушку и постепенно язык возвращался.

* * *

Сейчас я находился в Институте Нейротравм.

Привезли меня сюда уже после того, как в другой больнице стабилизировали после аварии. Моя медицинская карта была толщиной с «Анну Каренину». Несколько реанимаций, большая потеря крови, множество операций. Собранные из кусков кости ног и таза. Удаленные органы брюшной полости. Дырка в черепе, через которую удаляли гематому. И сломанный позвоночник. Вишенкой на торте – кома, потом – год в состоянии овоща.

Кости уже срослись, внутри тела осталось несколько титановых пластин и искусственный бедренный сустав. Повреждения внутренностей требовали пожизненной диеты. А повреждение спинного мозга гарантировало паралич нижней половины тела.

– Эпично! – подвел я итог рассказа о повреждениях.

Девушка спрятала глаза и принялась меня утешать.

– Не надо меня жалеть. Лучше скажи, почему я тут оказался, и кто за меня платит.

– Не знаю. Я думала, родители.

– Родители – это вряд ли, – пробормотал я. – Зовут-то тебя как?

– Юля, – засмущалась медсестра.

– Бенек. В смысле – Андрей, но для тебя – Бенек. Ладно, Юля, зови врача. А после заходи поболтать.

* * *

Вокруг меня началась суeta.

Лечащий врач в первую очередь провел опрос, хотел протестировать мою память. Память работала. Он удивлялся. Говорил, что больные в моем состоянии обычно теряют память, часто даже приходится заново учиться говорить и пользоваться ложкой.

Скоро появился седой дядька с глазами убийцы. Если бы я увидел его в Том Море, решил бы, что он мой собрат-наемник, в старости перешедший на службу городским палачом. Его крупные сильные руки хирурга и холодный взгляд вызывали именно такие ассоциации, и даже добрые морщинки вокруг глаз не меняли впечатления. Он оказался главврачом.

Наконец, я узнал, как оказался в месте, где простого смертного так долго держать не стали бы.

– Институт получил персональный грант на ваше лечение от компании «Московские стройки».

Я только брови поднял – название компании было незнакомо.

– Имя Барановский Владимир Васильевич вам известно?

Я кивнул. Барановская – фамилия Татьяны, моей бывшей любовницы, которая и отправила меня в реанимацию, проехав на красный свет, когда я сидел в ее машине. А Владимир Васильевич – ее отец.

Это было странно.

До аварии он смотрел на меня, как на грязную дворнягу, которую неразумная дочурка привела в дом с помойки. А тут вдруг раскошелился на серьезные расходы. Дорогое лечение, операции, медикаменты, год в состоянии овоща в серьезном медицинском институте – это же не тысячи рублей, и даже не миллионы, скорее – десятки миллионов.

Совесть заела? Seriously? Совесть у человека, который десятки лет работает на московском рынке недвижимости? Не верю.

Может, это Танька настояла, чтобы меня лечили по высшему разряду? Любовь оказалась настолько прочной, что она готова ждать выздоровления парализованного овоща? Ха-ха. Не верю.

Загадку пришлось отложить до получения новой информации.

Я уточнил степень поврежденности моего организма, ничего нового не сказали. Только добавили, что в любой момент может отказаться печень, поджелудочная или последняя почка. И что мне предстоит долгая реабилитация, чтобы научиться хотя бы немного самостоятельно обслуживать себя и пересест с кровати в кресло-каталку. Звучало это печально.

* * *

Ко мне в палату под любыми поводами приходили медики со всего отделения, я для них был новым развлечением, диковинкой. Еще бы – ни с того ни с сего проснувшийся и заговоривший овощ.

Не удивлюсь, если медсестры теперь будут всем коматозникам совать в рот клубнику, в надежде пробудить еще одного пациента.

Ажиотаж утомлял ужасно.

Медики оставили меня в покое, когда появился холеный мужчина в наглаженном дорогом костюме. Представился адвокатом Барановского.

– Врачи сказали, вы в сознании и способны писать. Прошу вас подписать вот этот документ. А врач заверит.

Адвокат совал мне под руку ручку и распечатанный на стандартных листах договор.

– Что это?

– Это соглашение между вами и Татьяной Барановской об отсутствии претензий.

Адвокат суетился. Он прятал это за снобизмом, но ему очень хотелось, чтобы я подписал бумагу. Для него это было важно. Он пытался обжулить меня, опасался, что если я не подпишу сейчас, когда не в себе, то позже у него будут проблемы.

– Положите на тумбочку. Я прочитаю, когда стану лучше себя чувствовать.

– Но это срочно!

– На тумбочку.

– Владимир Васильевич многое для вас сделал, вы должны помочь ему!

– Помогу. Чуть позже. Не сейчас. Я устал и плохо себя чувствую.

Адвокат ушел.

* * *

В замке Планорт в это время Ланейла проводила военный совет. Присутствовали все бароны марки и прочие близкие к Бенеку, а теперь к его вдове, люди. Их не пришлось специ-

ально собирать – они прибыли из своих замков на церемонию сожжения тела маркграфа, и еще не успели разъехаться по домам.

Регентствующая маркграфиня сидела с младенцем на руках. Подданные должны видеть, что они служат сыну покойного господина.

– Король Милоссии прислал мне письмо. Выражает соболезнования, но еще и сомнения в том, что без мужа я способна выполнить наши обещания по защите земель. Я хотела бы услышать ваше мнение по военным вопросам.

Первым высказался магистр Лонгет:

– Из-за ссоры с Гильдией половина магов может испугаться и уехать. Это серьезно ударит по нашей возможности защищать прибрежные земли от набегов пиратов. И в случае войны скажется.

Леран возразил:

– От покойного господина осталось магическое оружие и люди, которые им владеют. Бенек в боине под Планортом показал нам, как этим оружием можно уничтожить целую армию. В случае войны мы уничтожим любого напавшего. Самим захватывать замки будет сложнее, но и это сможем, при необходимости.

– Сможем, мы многому научились у господина, – подтвердил Булон. – Еще я хочу сказать – созданный господином Бенеком по совету магистра Петора отряд призрачного дозора очень хорошо себя показывает. Мы вовремя заметим любой отряд, позарившийся на наши земли, и уничтожим его.

Лонгет возразил:

– Враги знают о наших прошлых действиях и подготовятся к ним. Надеяться на повторение прошлых успехов нельзя.

Раздался чуть дребезжащий металлом голос мертвого магистра:

– Кроме наследия господина Бенека мы можем применить еще кое-что. Мой господин, Тимос Русский, прислал со мной несколько амулетов, пробивающих гильдейскую защиту разными способами. Московская и Русская марки заключили между собой союз, и мне приказано при нужде использовать это оружие. Любая вражеская армия будет устранена. Но использовать эти амулеты в войне против горцев Южной марки мы не сможем. Мой господин не хочет ссориться с горными баронами. Они – родственники его жены всё же.

– Наши люди тоже не хотели бы воевать против соотечественников, – напомнил Лаверт.

Поговорили еще немного.

Ланейла приняла решение, распустила совет и вышла в личный кабинет, позвав с собой нотариуса.

– Составь письмо королю. Напиши, что я от лица своего сына подтверждаю нашу способность защитить не только свои земли, но и западные графства. В войне с Южной маркой мы участвовать не будем. Но если король даст нашему роду титул герцога и западные земли, мы защитим их от опасности со стороны Алитании. Освободившиеся военные силы король сможет направить на восточную границу. И если кто из наших местных подданных, аристократов, дворян или простого люда, захочет идти на войну с горцами, мы препятствовать не будем. Если же титул герцога мы не получим, мы просто станем ждать. Через несколько лет Алитания не удержится от соблазна и захватит западные графства, а затем мы отобьем их силой из рук алитанского короля. Сомневаюсь, что к тому времени Милоссия еще будет существовать.

Ланейла задумалась, потом добавила:

– Только пусть он свою магическую гильдию на цепь посадит, чтобы и духу их в наших землях не было.

Нотариус поклонился и пошел работать.

Бенек Московский погиб, но дело его продолжалось.

* * *

Вечером я, наконец, смог вздохнуть с облегчением. Медики прекратили паломничество ко мне в палату – у них закончился рабочий день, и они разошлись по домам. Остались только дежурные. На нашем этаже – одна дежурная медсестра. Юля.

Она принесла мне ужин. Тарелку жидкой манной каши. Подняла спинку кровати. Помогла поест.

Каша показалась необычно вкусной. Не только потому, что это тело давно не ело настоящей пищи. В Том Море не было сахара, поэтому сейчас сладковатый вкус каши показался мне таким же ярким и насыщенным, как конфета для ребенка.

На десерт было яблоко.

– Вам нужно для пищеварения, – объяснила Юля, протягивая его мне.

Яблоко оказалось ужасным. Безвкусным, без запаха, жестким. Я и забыл уже, каковы бывают яблоки, купленные в супермаркете в неподходящий сезон.

– Зато оно полезное, – утешила меня Юля, когда я поморщился. – Для кишечника.

– Ну, если только для кишечника, – не сдержал я улыбку.

– У вас теперь выбор пищи небогат, – девушка вздохнула. – Много белков нельзя из-за больных почек, сладкого – из-за угрозы диабета, жиров и острого – из-за поджелудочной и печени, и кишечник пострадал... Кашки можно, бульон куриный, фрукты и овощи в меру.

Мне взгрустнулось.

Надо было как-то приводить тело в порядок. Мысли о том, как это сделать, у меня были. Мне нужна ведьма. Ведьма вылечит.

Но откуда взять ведьму на Земле?

Взять неоткуда. Значит – надо ее создать.

У меня было достаточно времени, чтобы обдумать эту тему.

Когда моя душа после смерти попала в чужое тело, я стал некромантом. Сейчас вернулся в собственное тело – и всё равно остался некромантом. Отсюда вывод – магический дар появился, потому что я умирал. Душа попала на *изнанку*, оттуда – в живое тело, а связь с *изнанкой* осталась. Вот такая логика.

Значит, если я верну с изнанки и помещу в живое тело чью-то душу, этот человек получит сильный магический дар. Мужчина станет некромантом, женщина – ведьмой.

Звучит просто. А получится или нет – покажет эксперимент.

– Юля, а у вас тут есть еще люди, находящиеся в коме?

– Есть.

– И женщины есть?

– Есть. Две женщины в искусственной коме, одна не пришла в себя после клинической смерти.

– Юля, а ты могла бы мне их показать? Очень нужно.

– Ну что вы, это же запрещено...

– Что запрещено? Ходить в гости к другим больным?

– Вам пока с кровати вставать нельзя. И ходить в гости можно если вас приглашают, а если человек без сознания – это неправильно.

Мы немного поспорили. Девушка отказалась пересаживать меня в каталку и везти в другие палаты. Я не стал настаивать. Успею еще.

Мы почти весь вечер разговаривали о всяком. Юля оказалась одинокой, жила отдельно от родителей, в квартире, доставшейся ей от бабушки, любила книги и романтические комедии, занималась танцами. С ней было легко общаться. И, похоже, я ей нравился, хотя сама она этого еще не понимала.

3. Встречи, переговоры, неожиданности

После завтрака ко мне приехали родители. Им сообщили, что я очнулся, вот и пришли. Они выглядели усталыми и постаревшими. Мать при виде меня заплакала, отец тоже смахивал слезы с глаз.

Я смотрел на них и не чувствовал близости. Слишком давно их не видел, слишком многое произошло со мной в Том Море за это время. Да и не был я уже тем Андреем, которого они знали. Хотя бы потому, что присоединил память Бенека, которая изменила мою личность.

Я смотрел на них и видел, что под слезами радости проскальзывают страх и неуверенность. Они уже свыклись с тем, что их сын лежит в больнице, о нем заботятся. Жизнь как-то устоялась. А теперь всё изменится. Сын очнулся. К нему надо приходить. Его могут выписать из больницы. За ним придется ухаживать. Их жизнь станет другой, и эта новая жизнь потребует больших усилий.

Отец почти всё время молчал, мать рассказывала, что у них произошло за время моего отсутствия. Хвалила Владимира Васильевича, который так хорошо обо мне заботился и оплачивал лечение.

Мы пытались изобразить разговор любящих родителей и сына, но получалось это не очень убедительно. Я молчал о том, что было для меня действительно важным. Они не понимали, что мне интересно. Через час я сказал, что устал, и они ушли. Пообещали принести мне мой планшет и телефон.

Когда я остался в одиночестве, вздохнул с облегчением.

Вздохнул и задумался – у всех людей, которых я встретил на Земле, было как бы два выражения лица. Одно – парадное, для показа. И второе, которое проскальзывает в мгновенных движениях мимики, – глубинное, настоящее.

В Том Море я такого не замечал. Там даже жуликоватый торговец, который хочет впарить тебе товар подороже, выглядит простодушным и открытым увальнем, настолько просто читаются на его лице все его хитрости. Почему так? Потому что там есть ведьмы, которые умеют чувствовать обман и делают неотвратимым наказание за ложь в серьезных делах? Или лицемерие возникло и укоренилось на Земле вместе с религией? Или дело в сложности общества? Загадка.

* * *

Скоро ко мне явился еще один гость. Владимир Васильевич, отец Тани.

Его сопровождала медсестра-Барби, которая дежурила сегодня. Она отчаянно пыталась привлечь его внимание и строила ему глазки. Несмотря на седину, он был мужчиной видным. Высоким, атлетичным, в дорогом костюме, сшитом на заказ.

– Ну, здравствуй.

Он изобразил радость от встречи, отослал медсестру и взгромоздился в гостевое кресло.

– Приветствую.

– Как твои дела?

– Врачи вам уже доложили, наверное.

– Точно, доложили. Я хотел попросить тебя подписать бумаги.

– Зачем?

– Они для суда нужны.

– Зачем это всё? Почему вы оплачивали мое лечение? В приступ гуманизма я не верю.

Мужчина насупился, потом скинул с себя маску добряка и заговорил по-деловому.

– Хорошо. Будем говорить, как взрослые люди. Если бы ты умер, не приходя в сознание, Татьяну судили бы за убийство по неосторожности. Еще и следы наркотиков у нее экспертиза

выявила. Ей пришлось бы сесть. Потому я и платил за лечение. Поставил врачам задачу – не дать тебе умереть. Они не дали.

Я кивнул. Сказанное вполне укладывалось в мои представления об отце Тани.

Он продолжил:

– Теперь ситуация поменялась. Ты очнулся. Если даже умрешь – в суде статья будет другая, не убийство, а нанесение тяжких телесных. Судья учтет, что мы приложили все усилия, чтобы вылечить тебя, вполне возможен условный приговор, и срок небольшой. Если ты подпишешь мировое соглашение – это станет еще одним доводом в пользу Тани. Я готов дать тебе денег, если согласишься. Не так много, как потратил на лечение, но всё равно тебе пригодятся. На реабилитацию и вообще. Скажем, миллион рублей.

– Недорого вы мою инвалидность оценили. А реабилитацию вы оплачивать не хотите?

– Извини, но нет. Реабилитация будет длиться еще много месяцев, у меня нет времени ждать. И на совесть давить не надо – ты тоже виноват в случившемся.

– Моя виновность значения не имеет. Мироздание наказывает не виноватых, а глупых, слабых и неосторожных. Я просто стал любовником не той девушки. При ее характере она рано или поздно навлекла бы на себя и окружающих проблемы.

– Да ты философ.

– А что делать? – отшутился я. – Ниже пояса не работает, придется учиться пользоваться головой.

Я видел, что он под маской делового человека волнуется о чем-то, по-настоящему волнуется. Не обо мне – плевал он на меня. О чем-то важном лично для него.

– А почему вы торопитесь с подписанием бумаг?

Отец Тани вздохнул, встал с кресла, прошелся по палате. Потом встал у окна и, не глядя на меня, сказал:

– Пока было неясно, выживешь ли ты, я Таню на всякий случай из страны отправил. Сейчас она в Штатах. Хочу вернуть ее побыстрее. Боюсь я за нее. Она там одна, жизни той не знает, и помочь ей я не смогу, если что случится.

Видно, ему хотелось поговорить о наблевшем, он продолжил:

– Она чуть ли не каждую неделю пишет, что слышала выстрелы. То полиция в кого-то стреляет, то банды черных и латиносов между собой отношения выясняют, то жертва ограбления начинает отстреливаться от грабителей... В мирном городе, в хорошем районе – и стреляют. Я каждый раз читаю ее письма – и боюсь. Вдруг нарвется на грабителя или на случайную пулю?

Владимир Васильевич сунул руки в карманы, прошелся из угла в угол. Он подавлял, в его присутствии палата казалась меньше, чем была на самом деле.

– Потом, она с парнями там знакомится. Она пишет об очередном парне, а я боюсь – вдруг изнасилует или покалечит? Мало ли уродов.

Вздохнул.

– А больше всего я боюсь, что она по глупости и от безделья на наркотики всерьез подсядет, там этого добра хватает, и на этом ее жизнь закончится.

Я прислушался к своей интуиции. Собеседник не врал. Он действовал в своих интересах. Он готов заплатить мне за подписание договора, но если я не соглашусь – и без него обойдется. Может, судье заплатит через адвоката. Я потом смогу на них в суд подать, но это будет другой суд, о возмещении ущерба, а не уголовный.

– Я не против подписать соглашение. Но над суммой компенсации вам стоит поработать.

– Сколько?

Я прикинул, какие аргументы могут выдвинуть адвокаты при оценке материального ущерба. Россия – не США, тут компенсации в миллионы долларов присуждать не станут.

– Десять миллионов рублей.

– Хорошо. Адвокат завтра заедет.

Так состоялась наша сделка. Я извлек из паршивой ситуации хоть что-то полезное.

Можно ли деньгами оценить инвалидность? Нет. Но и другого варианта нет. Разве что в отместку сломать позвоночник Татьяне, но мне от этого легче не станет. Вот и свелось всё к выплате денежной виры, как делается в Том Море, и как было принято в европейском праве начала средневековья. Века идут, а по сути ничего не меняется.

* * *

После встречи с адвокатом ко мне пришел лечащий врач. Он излучал уверенность и оптимизм.

– Мы проведем несколько анализов, проверим ваше состояние, если не найдем осложнений – через пять дней выпишем. Реабилитацию будете проходить дома.

Я впал в ступор.

«Выпишут? Серьезно? Лежащего пластом больного, у которого нет половины внутренних органов? Через пять дней?».

– Простите, а как вы себе представляете мою жизнь вне больницы?

– Вы должны понять – мы занимаемся лечением. Ваше состояние стабильно. На быстрые улучшения рассчитывать не стоит. Всё, что могли, мы сделали, больше мы ничего для вас сделать не можем. Уход за инвалидами – не наша работа, если это вам необходимо – есть специализированные заведения.

– Угу. И грант на мое лечение кончился.

– И это тоже, – смутился врач.

Он был еще слишком молод, не привык обсуждать, сколько денег стоит человеческое здоровье или жизнь.

В принципе, врач был прав. Действительно ведь они меня вылечили, насколько это возможно, а дальше – не их дело. Мою койку ждет какой-то другой больной.

* * *

Медсестра, та, которая любительница кошек, стала возить меня на обследования, брать у меня анализы.

Это оказалось даже интересно. В первую очередь сестра научила меня перебираться с кровати на кресло-каталку. Я приобрел новую степень свободы – из лежачего больного превратился в мобильного.

Скоро приехала мать, привезла планшет и телефон.

Известие о скорой выписке ее шокировало. Она ненадолго замерла, обдумывая, как это всё будет происходить на практике, потом заметалась, договариваясь с медиками.

Вернулась, вздохнула.

– Для доставки тебя домой они машину обещают выделить и кресло-каталку. А дальше – как-нибудь с папой разберемся. Медсестру нанимать придется, наверное, хоть на первое время.

* * *

Оставшись наедине, я глянул на планшет и телефон. Новости посмотреть? Или друзьям позвонить? Звонить знакомым было страшновато. Но я решил начать именно с этого – разберусь с этим сразу, ни к чему рубить хвост по частям.

Первой я набрал Наташу. Ту самую Наташу, из-за ревности к которой Татьяна устроила скандал и аварию. Я ведь любил ее, и она меня тоже, хоть эта любовь не похожа на то, о чем пишут романы.

– Привет, – испуганный голос в трубке.

– Привет. Я пришел в сознание.

Пауза. Потом робкий вопрос:

– Как ты?

– У меня парализованы ноги, я сильно ослаб, во мне пара кило титана, и нет половины внутренностей. Но в целом – неплохо.

Молчание.

Мы недолго поговорили о всяком. Наташа рассказала, что она продолжает работать, по-прежнему медсестрой в районной поликлинике, ее жизнь не изменилась.

Неловкий разговор скоро завял, и девушка его закончила, сказала, что не может говорить.

Я задумался. Может, нанять ее для ухода за моей тушкой? Хотя она и не работает с лежащими больными, но всё же училась в медицинском. Девчонка она ответственная и добрая. И деньги ей нужны. Только воспоминания о наших отношениях будут ее смущать...

Разговор с Наташей оставил тяжелое послевкусие.

Бывшим приятелям я даже звонить не стал – наверняка услышу в их голосах фальшивую радость по поводу моего воскрешения, а за этой радостью – безразличие, неловкость и желание держаться подальше от неудачника. Нужно признать честно – у меня до аварии была толпа приятелей, но ни одного друга, готового помочь в настоящей беде.

Ничего. Буду играть теми картами, которые мне выпали.

* * *

Я стал просматривать на планшете новости. За год моего отсутствия в мире ничего не изменилось. Центр Европейской войны переместился во Францию, Балканы догорают, Германия разваливается надвое. В Африке что-то происходит – видно, Россия и Китай делят зоны интересов. Иран и Эмираты присоединяются к рублевой зоне. В общем, ничего интересного.

Планшет звякнул, замигала иконка вызова. Татьяна. Ответил ей с видео.

Моя бывшая успела заметно округлиться лицом. Видно, американские продукты ей пошли впрок.

– Привет.

– Привет.

– Отец вчера говорил, что ты пришел в себя. Проснулась, увидела тебя в онлайн. Как ты?

– Парализован, на диете, в сознании. Член не работает, так что теперь у меня одной проблемой меньше.

– Прости меня, я дура, – всхлипнула Таня.

– Ничего. Буду жить дальше.

– Отец говорит, я могу вернуться. Я тебе помогать буду, если потребуется.

Не ожидал. Думал, она сделает вид, что меня нет и никогда не было, а оно вон как – первая позвонила, помощь предлагает...

Поговорили о жизни. Стала жаловаться на усталость от эмиграции.

– Тут вообще никому верить нельзя. И больше всего нельзя верить местным русским. В лицо улыбаются, а потом ради копейки готовы кинуть...

– Замуж там не вышла еще?

– Да какой там... Сначала я радовалась – тут женщины все в основном толстые, за внешностью следить не привыкли. Если у девушки есть вогнутость на месте талии, она может зайти в любой бар, и там ее с радостью встретят два десятка одиноких ковбоев. А потом познакомилась с этими ковбоями... Местные мужики все какие-то неполноценные, – девушка ожилилась, зажестиковалась, стала похожа на ту подружку, с которой я общался до аварии. – С одним встречалась пару месяцев. С виду вроде нормальный, взрослый мужик, в отличной физической форме, мать ему в наследство несколько миллионов оставила, всё у него должно быть хорошо. Он вместо того, чтобы чем-то толковым заниматься, собирает на барахолках всякую старую технику и восстанавливает ее. Вроде как коллекционирует. Говорил, что это у него бизнес такой, только покупателей пока нет, но как только появятся, он сразу озолотится. И ныл он постоянно. Прикинь, ему домик в пригороде от матери достался, так он его забросил, участок сорняками по грудь зарос, из-за этого на него пожарный надзор в суд подал. И

он по этому поводу судился и страдал два месяца, вместо того, чтобы просто взять косилку и выкосить за день траву. В общем, надоело мне его нытье слушать, психанула и расстались...

Мы перетерли кости еще парочке ее американских любовников.

Потом оказалось, что ей пора уходить по делам, в ее часовом поясе как раз начинался рабочий день. Попрощались. Я свернул окно мессенджера и лежал некоторое время, улыбаясь. Всё же приятно, когда люди оказываются лучше, чем ты ждал. Жаль, что так редко.

* * *

Разговор с Татьяной подтолкнул меня к размышлениям о своем будущем.

До сих пор я думал только об одном – как найти или создать ведьму и вылечиться. А если не получится? Физические недостатки никак не мешают магии. Я смогу жить и так. А если получится выздороветь – что дальше? Чем заниматься? Чем зарабатывать?

Вроде всё очевидно – я некромант. Идеальный убийца. Убийство во все времена было делом нужным и важным. А если кто считает не так – пусть посмотрит на суммы военных расходов любого государства.

Особых моральных терзаний сам факт убийства у меня не вызывает. Кого именно убивать – это важно. Одно дело – бойца на войне, который пришел с мечом, если помрет – на его место другой такой же найдется. И другое – здоровую крестьянскую девку, которая никому ничего плохого не делала и способна десяток детей родить.

Так что на вопрос «Что делать?» у меня есть очевидный ответ: «Убивать».

Но как и кого?

Пойти на войну и там каким-то способом монетизировать свои способности? Там сразу окажется, что в дуэли снайпера и некроманта некромант побеждает далеко не всегда. А в дуэли некроманта и артиллериста – вообще всё плохо для магии.

Заниматься диверсиями, убивая скрытно? Это уже лучше. Но как-то мелкогато.

Работать киллером? На кого работать? И тот, на кого я буду работать, не ликвидирует ли меня в один прекрасный момент?

Всё осложняется тем, что современные технические средства быстро вычислят киллера-профессионала по косвенным признакам. Прослушка разговоров с заказчиком, или данные уличных видеокамер, или еще что-то.

Рано или поздно обо мне узнают государственные службы. Как они поступят? Одно из двух – или испугаются и завалят без суда и следствия, или попытаются использовать. Посадят в клетку и отдадут ученым на опыты, например. Станут подкидывать разовые заказы. На кого заказы? Это определит тот, кто будет меня держать под контролем.

Принципы общественного равновесия говорят: власть – одна из вершин человеческих стремлений, если человек добился положения во власти, значит он всю жизнь именно к власти и стремился, и продолжает стремиться к ее сохранению и расширению.

А как использовать убийство для расширения личной власти? Убить президента вражеской страны? Ха-ха-ха. Нет. В первую очередь такой человек захочет убить своего начальника и конкурентов за более высокую должность. Потом следующего начальника, и так – пока не доберется до самой вершины. Если его не убьют раньше. А заодно и меня.

И получается, если я стану зарабатывать убийствами, ничего хорошего мне не светит, рано или поздно меня посадят в клетку или убьют.

Печально.

Надо думать дальше. Придумать менее очевидный способ зарабатывать.

4. Ночные забавы

С утра меня разбудила Юля. Сегодня было ее дежурство.

Персик мне принесла и больничный завтрак.

Посидела недолго со мной, привычно положив босые ноги на край кровати. Мы ели персики и болтали о глупостях.

Я поймал рукой ее ступню и стал массировать ее пальчики. Она смутилась. Дернулась, чтобы отстраниться.

Я удержал.

– Сиди спокойно. Я нынче для девушек безопасен.

Замерла.

Заговорили о жизни. Она рассказала, что давно ни с кем не встречается – в медицинском колледже для поиска серьезных отношений обстановка неподходящая, потом тоже не складывалось. Какое-то время встречалась с женатым мужчиной, но надоело прятаться и встречать праздники в одиночестве. А в последние годы уже и не пыталась – поняла, что лучше быть одной, чем с кем попало.

Я рассказал, как угодил в аварию.

Потом Юля убежала по своим делам.

В следующий раз она пришла ко мне на обед. Опять поели вместе, пообщались. Обсудили мою скоропостижную выписку. Я поинтересовался, не может ли она помочь мне с уходом и реабилитацией, если что. За деньги. Девушка смутилась, как будто я ее замуж позвал. Сказала – подумает.

Ужинали мы тоже вместе.

– Юля, после того, как персонал разойдется и больные улягутся, зайди ко мне.

Девушка порозовела щеками.

– Мне твоя помощь в одном деле очень нужна. Не сексуальная.

У Юли даже уши покраснели. Она торопливо убежала, пообещав зайти.

* * *

Я ждал ночи с нетерпением и страхом. Вдруг не получится? Где я еще коматозную женщину найду?

Наконец шум на этаже затих.

Еще немного – и дверь в мою палату приоткрылась, в нее юркнула Юля.

Я вдохнул и сказал:

– Мне очень нужно кое-что сделать. Если получится, у меня будет шанс выздороветь. Но сделать это нужно сегодня, сейчас, иначе не получится. Мне нужна твоя помощь, завтра-послезавтра ты не дежуришь, а потом меня выпишут.

– Что нужно? – заволновалась медсестра.

– Посади меня на кресло и отвези в палаты, где лежат в коме женщины. Ты говорила, есть такие здесь.

Юля согласилась не сразу, пришлось поугovarивать. Она так и не поверила, что я действительно хочу сделать что-то для своего выздоровления, просто решила согласиться, чтобы меня не расстраивать. Мало ли какие причуды могут быть у вчерашнего овоща?

С ее помощью я перетащил свое тело в кресло. Она выглянула на всякий случай в коридор, удостоверилась, что там нет никого, и покатила меня в одну из соседних палат.

Внутри был приятный полумрак, светящиеся мониторы и кровать с неподвижным телом, наполовину упакованном в гипс.

Я сосредоточился на магическом зрении. Тело пациентки светилось, как тело живого человека. Я разочарованно сказал:

– Так она же жива.

– Естественно. Она в коме, в искусственной. Ее седативными препаратами накачали, и она спит.

– И остальные такие же?

– Еще одна. А еще одна – совсем плоха.

Поехали смотреть.

Сначала заехали к еще одной спящей. Та тоже светилась, как живая.

* * *

В третьей палате что-то размеренно шипело и попискивало.

На кровати лежало тело молодой девушки с трубкой, вставленной в горло.

Девушка была мертва.

– Она утонула, ее слишком долго вылавливали, потом не смогли откачать, пытались реанимировать, не сразу получилось. Клиническая смерть длилась слишком долго, наступила смерть мозга.

– А здесь она что делает?

– Хотят ее на органы разобрать. Девушка молодая, здоровая. С ее родственниками пытаются договориться, получить разрешение на донорство органов.

– Ну ладно, приступим...

Я попросил подкатить меня вплотную к телу – чтобы мог коснуться его. Так легче.

Потом призвал душу покойницы. Сделал это без магической схемы, ее я не помнил. Воздействовал интуитивным желанием, подкрепленным магической *энергией*. Я так для тренировки несколько раз делал в Том Море – призрак получается непослушным, за ним постоянно следить надо, чтобы не сбежал или не вернулся на *изнанку*, но для быстрого разговора с мертвецом метод достаточно удобный.

В комнате появилось слабое свечение призрака. Мертвая девушка висела передо мной и удивленно оглядывалась.

– Ой! – выдохнула сзади Юлия.

– Всё нормально, – успокоил я обеих соучастниц.

Призрак уставилась на меня.

– Я некромант. А ты умерла, и теперь я призвал твою душу.

Девушка растерянно молчала. Я бы тоже растерялся, если сначала ты тонешь, теряешь силы в холодной темной воде, а потом вдруг висишь в воздухе посреди больничной палаты, и какой-то тощий калека в каталке заявляет, что он маг.

Я дал ей немного времени переварить информацию.

– Я призвал тебя, потому что хочу попробовать оживить.

Если бы я призывал с помощью стандартной схемы, мог бы ничего не объяснять, призванная вынуждена была бы мне подчиняться. А так – лучше успокоить ее и договориться, чтобы она помогала добровольно.

– Правда? – произнесла она первое слово.

– Правда. Но я не уверен, что получится.

– Давайте, – она смущенно улыбнулась.

Я командовал. Призрак переместился в тело и совместил с ним свое положение.

– Так-с... Голова – на месте. Руки на месте. Ноги на месте. Средоточие тоже на месте, – бормотал я. – И как теперь прилепить душу к телу?

Душа к телу цепляться не желала. Призрак светился *энергией*, как обычный призрак, тело не светилось.

Насос накачивал воздух в легкие, сердце билось, душа находилась в нужном месте, а тело оставалось мертвым.

Я сдернул с голой пациентки одеяло и тщательно осмотрел тело – везде ли совпадает положение призрака и тела. Везде.

Сзади прыснула Юля:

– Если бы сейчас тебя кто-то увидел, потом пришлось бы отбиваться от обвинений в неизвестных сексуальных извращениях.

Я вздохнул. Пока мне только извращения и доступны. И подопытная душа не приживается...

– Сейчас я попытаюсь закрепить тебя в теле, ты лежи спокойно, не двигайся.

Я прошелся по всему телу, подкрепляя *энергией* желание подсоединить призрак к каждой части тела. Начал с ног.

Посмотрел на то, что получилось. Ничего не изменилось. Призрак оставался призраком, лежащим в мертвом теле.

Вдруг девушка двинула рукой.

– Ой! Получилось! – взвизгнула от восторга Юля.

– Да ничего не получилось! Она всё еще мертвая.

– Но шевелится же!

– С девушками такое бывает. Вроде двигается, а на самом деле – труп трупом, – мрачно пошутил я. – Лежи! – прикрикнул на пациентку, которая подняла голову, чтобы убедиться, что ее конечности двигаются.

– Я не чувствую тела, – пожаловалась она. – Двигать могу, но не чувствую. Как будто оно не мое. Просто тяжесть, которую я могу двигать.

– Ты не только не чувствуешь. Ты и дышать сама не сможешь сейчас, и есть, и еще много чего. А тело, если его отключить от аппаратов, станет разлагаться.

– А что ты сделал с ней? – это Юля интересуется.

– Похоже, я сделал зомби. Она – призрак, прикрепленный к телу. Я уже видел похожего, только он в виде скелета был сделан.

– погоди. Ты прикрепил призрак к мышцам, так? И она теперь может двигаться. А если тыкрепишь его еще и к остальным органам? К сердцу, к желудку, к коже... ко всему-всему. Она оживет?

Я задумался. Если зомби постепенно усложнять, приближая связи с душой к тем, какие есть в живом теле – может, в какой-то момент граница между жизнью и смертью будет преодолена? Сам я не настолько хорошо знаю организм человека, чтобы всё предусмотреть, но если Юля поможет разобраться...

– Не, ничего не получится. Я прикрепил ее не к мышцам, а к конечностям. Она ими может управлять, но делается это силой магической *энергии*. Если даже удастся подсоединить ее к желудку и селезенке, они будут работать силой *энергии*. Это не делает ее живой.

– Если ее тело будет двигаться и работать, как живое, то какая разница?

– Разница в том, что она не станет ведьмой. А я затевал воскрешение именно ради этого. Еще разница в том, что подключение всех органов потребует много времени и врачи заметят, что происходит что-то странное. А потом она начнет разлагаться. И в больнице появится зомби. И чувствовать тело она все равно вряд ли научится.

Нужно было что-то делать. Чего-то для оживления не хватало.

Единственная мысль, которая пришла мне в голову – надо подключить душу к мозгу. Я попробовал. *Энергия* мигнула, но потом исчезла. Призрак тоже исчез.

Я вызвал душу еще раз.

– Ну что? Что сейчас почувствовала?

– На мгновение провалилась в темноту.

– Тело чувствовала?

– Вроде на мгновение боль пришла. От трубки в горле.

Я попробовал еще раз. И еще. Результат не изменился. Душа на мгновение входила в тело, но потом сразу улетала на *изнанку*. Получается, я ее оживлял, но она сразу погибала.

После третьего эксперимента я вздохнул и объяснил Юле:

– Всё, хватит. Не получается оживить тело. Похоже, ее мозг не пригоден, чтобы принять душу.

– И что же теперь? – расстроилась она.

– Пока всё. Покатались отсюда, пока нас не застали за странными действиями около голый мертвой девушки.

– Но как же! У нас же почти получилось, она говорила и двигалась! – Юля почти плакала.

– Почти жива и жива – это разные состояния. Не грусти. Она сейчас ничего не чувствует. А потом ее душа вселится в какого-нибудь пухленького младенца и продолжит свое существование.

Юля вытерла слезки.

Мы вернулись в мою палату.

* * *

Я был печален. Мой план провалился. Но почему?

Юля, наоборот, была взбудоражена. Она только что узнала, что я некромант, увидела призрак и зомби, чуть не стала свидетельницей воскрешения. Поток чудес привел ее в такое возбуждение, что она металась по палате из угла в угол.

– Расскажи мне всё! – потребовала она.

Я подумал – почему нет? И рассказал. О своей жизни в Том Море я деталей не говорил, сосредоточился на том, что связано с моим воскрешением в чужом теле, душами, некромантией и моей смертью.

– А после прошлой гибели моя душа по *струне родства* вернулась в старое тело, которое к тому времени подлечили, и оно стало пригодным для заселения, – закончил я рассказ.

Юля слушала с распахнутыми глазами. Она сегодня прикоснулась к волшебству. В ней всё еще жила маленькая девочка, которая мечтает о принце, и сейчас эта девочка проснулась.

– И что ты будешь делать дальше?

– Мне нужна ведьма, чтобы привести в порядок тело. Ведьм тут нет, или я о них ничего не знаю. Ведьму надо сделать. Для этого надо пригодное для возврата души тело.

– Тебе же не каждое тело подойдет. А женщин в коме к нам доставляют нечасто. Даже если привезут – тебя выпишывают, как тебя сюда привести в тайне от остальных сотрудников?

Я мог только пожать плечами.

С подходящими телами действительно проблема. Если оно живо – не подходит. Если мертво – то повреждено и тоже не подходит. Замкнутый круг какой-то... То ли дело в Том Море – некроманты практику проходили и оставили после себя кучку тел с отсеченными душами, абсолютно неповрежденных...

* * *

«А что мешает мне сделать так же? – мелькнула идея. – Взять живую женщину. Отсечь душу от тела. Она умрет. А потом сразу призвать ее и вселить в тело».

Мысль была интересная. Перспективная.

Надо на ком-то ставить эксперимент. Согласия жертвы мне не нужно, достаточно, чтобы она со мной на какое-то время оказалась наедине. Кого мне не жалко? Медсестру-Барби? Или кошатницу?

А вдруг получится и кошатница станет сильной ведьмой? Она начнет причинять добро направо и налево. Проклянет тех, кто писает в подезде. Лишит потенции мужчин, которые пьют пиво на детской площадке. Пожелает мучительную экзотическую болезнь соседке, которая слишком наглая. Сломает все машины, которые паркуются на дорожке у подезда. Такие фокусы не останутся без внимания, кто-то проанализирует факты, а там и до меня доберутся.

- С Барби будет проще. Она хоть и стерва, но послушна голосу рассудка.
- Ты что-то придумал! – вырвал меня из размышлений голос Юли.
 - Да, есть мысль... – я в общих чертах пересказал девушке свою идею.
 - Я согласна! Делай из меня ведьму!

Я попытался объяснить, что дело это опасное, успех не гарантирован, я боюсь убить ее. Убивать Юлю мне было жалко. Но ее было уже не остановить. Живущая в ее душе маленькая девочка готова была рискнуть жизнью ради возможности стать волшебницей.

Я взвесил риски и плюсы. Добровольное участие подопытной позволяет сделать всё этой ночью, наедине, с комфортом, не спеша. И ведьма из Юли получится очень симпатичная. А если не получится – можно будет потом попытаться призвать ее призрак и переселить в другое тело, когда научусь. Хотя должно получиться – в девушку с поврежденным мозгом душа хоть на мгновение, но вселялась.

- Хорошо. Будем делать ведьму из тебя. Ложись на кровать.
- Раздеваться?
- Зачем?

Юля покраснела и улеглась на спину.

Я поставил свое кресло удобнее, взял ее за руку. Она боялась, ее пальцы дрожали.

«Глупая девчонка!» – подумал я и убил ее.

Тут же вызвал призрак.

- Ой, уже? – удивляется она, обнаружив себя висящей рядом с собственным телом.
- Уже. Давай, быстрее совмещайся с телом. Буду тебя возвращать к жизни.

Призрак послушно переместился и улегся внутрь тела. Я проверил, совпадает ли положение ног и рук. Вряд ли это на самом деле важно, но пусть лучше совпадает.

Я прикрепил ее душу к мозгу.

Она не ожила.

«Твою мать!» – меня на мгновение накрывает паникой.

«Почему не работает? Утопленница пыталась ожить, а эта – нет».

«Утопленница на аппаратах была, у нее сердце билось».

«Надо запустить сердце!».

Я смотрю на стойку с оборудованием. Там прибор для реанимации, с двумя плоскими электродами на ручках, как в сериалах. Реанимировать ее тело, пока я удерживаю душу привязанной к мозгу? Я не умею, вдруг сожгу ей всё.

Включается интуиция.

Я кладу ладонь девушке на грудь, кулаком правой руки, как молотком, с размаху бью по тыльной стороне своей ладони, а через нее – по груди Юли. Кажется, я видел такой способ реанимации в каком-то боевике.

Тело Юли дергается, она шумно вдыхает. И оживает.

– Получилось! – радуется девушка.

Мне что-то не нравится. Я не сразу понимаю, что именно. Потом говорю:

– Юль, у меня для тебя две новости. Новость первая, хорошая: ты – живая.

Девушка нервно хихикнула.

– Вторая новость так себе: ты не стала ведьмой. Ты в магическом зрении выглядишь, как обычный человек.

* * *

Мы оба загрустили.

Конечно, могло бы быть и хуже. Если бы я ее не реанимировал, и утром медики нашли в моей палате холодный труп.

Получилось, что мы зря пошли на риск.

Хотя не совсем зря, я узнал что-то новое. Я узнал, что реанимация свежего покойника не превращает его в мага или ведьму.

– Нужно что-то еще кроме гибели и оживления, – высказалась Юля. – Сейчас больных реанимируют после клинической смерти довольно часто. Если бы они от этого получали магический дар – кто-нибудь сумел бы его использовать, хоть как-то. Это заметили бы. Стали бы исследовать, писать об этом, пытаться превращать людей в магов.

– Логично. Но я же получил магический дар, когда воскрес? Есть и еще один попаданец, который тоже стал магом.

– Ты не просто воскрес. Ты воскрес в чужом мире, в чужом теле.

– В другой мир я тебя отправить не могу.

– А в другое тело?

«В утопленницу ее вселить? – пришла мысль. – А потом сразу вернуть в собственное тело, пока оно не испортилось?».

* * *

Я объяснил идею. Объяснил, что два вселения вместо одного – вдвое более высокий риск. Юля согласилась. Мы слишком далеко зашли, чтобы сейчас останавливаться.

Нужно было спешить. Небо за окном уже светлело. Если не сделаем этой ночью, другого шанса не будет: у Юли следующее дежурство нескоро, утопленницу разберут на органы и увезут в морг, меня выпишут.

– Поехали в палату к мертвой девушке.

– Поехали, – зевнула Юля.

Мы перебрались в палату утопленницы.

– Ложись рядом с ней на кровать.

– Зачем?

– Мне нужно будет тебе сердце запустить. В другом положении я не смогу сильно ударить по груди.

– Как-то мне реанимация ударом кулака не нравится. Ненадежно это. Давай дефибрилятором.

– Все равно ложись.

Перед тем, как разместиться рядом с покойницей, Юля объяснила, как пользоваться дефибриллятором. Дала мне примериться – когда прикован к креслу-каталке, можно просто не достать руками до нужных мест, а это кончится смертью девушки.

– Готов?

– Да. А ты?

– Нет, но давай уже, не тяни.

Я убил Юлю.

Потом вызвал призраком и вселил ее в тело утопленницы. Она на мгновение ожила и тут же погибла. Я заметил, как полыхнула в магическом зрении ее искра – она получила дар.

Теперь второе вселение – в собственное тело. Опять вызвал призрак, прикрепил его к телу, прижал электроды к груди. Тело выгнулось дугой. Шумный вдох.

Жива.

Жива и стала ведьмой. Сильной ведьмой с максимальным рангом.

Получилось!

* * *

Мы устранили следы посещения чужой палаты и вернулись ко мне.

Я расположился на кровати, а Юля поглядывала на меня томным взглядом.

– Я должен тебе сказать. Ведьмы желают некромантов. В смысле секса. Сильно. Это нормальная физиологическая реакция. И поэтому ты теперь будешь хотеть меня.

– Да-а-а-а? – ее рука нырнула под одеяло. Я не чувствовал, но видел, как она прошлась по моему бедру.

– Успокойся! Не мучай себя и меня.

Рука скользнула выше, наткнулась на край памперса. В глазах девушки появились проблески разума.

– А тебя это мучает?

– Еще как. Я же не слепой и не глухой. Вижу и слышу перед собой привлекательную женщину, которая хочет меня, и хочу тебя в ответ. Но не могу.

– Да, не можешь, – вздохнула тяжело.

Юля задумалась, и эта задумчивость мне не понравилась. Сейчас как пожелает, чтобы у меня случилась эрекция, меня как переклинит с ней, так и буду лежать, пока она сама всё не исправит.

– Ничего не делай и не желай!

– Почему это? – с подозрением посмотрела на меня свежеепеченная ведьма.

– Потому что от плохо оформленных твоих желаний может случиться много проблем. Сейчас я начну тебя учить желать правильно...

От моего обещания разум вернулся в тельце Юли. Она стала внимательно слушать.

– Ты, главное, не торопись, пока я не скажу, что можно, ничего не желай. Выслушай внимательно задание, сформулируй желание, и только потом пусти к его *образу* струйку *энергии*...

Я объяснил девушке те вещи, которые мне когда-то объясняла ведьма, когда учила работать с *образами*. Что-то от себя добавил, из собственного опыта.

– Всё поняла?

Кивает.

– Тогда представь, что у меня начинается процесс роста нервов в сломанном позвоночнике. И подпитай это представление *энергией*. Начнем с малого.

– А почему с малого? Не проще представить тебя здоровым, например?

– Страшно мне сразу давать тебе такое задание. Ты как начнешь меня представлять здоровым, вообразишь себе двухметрового богатыря с полуметровым членом и плечами, как у культуриста, мой организм пойдет вразнос и сам себя сожрет, потому что задание невыполнимое.

Юля покивала головой, сосредоточилась, что-то там пожелала – блеснула искорка *энергии*.

– И что теперь?

– И всё теперь. Ждать. Процесс роста нервов должен запуститься. Месяца через два чувствительность восстановится.

– Я думала, как-то быстрее это будет.

– Потом тебе придется еще наблюдать за мной. Иногда повторять воздействие на позвоночник. Проверять другие органы. Мне еще почку отрастить надо и четыре метра кишечника. Ну и по мелочам – подвижность мышц восстановить, например.

Юля задумалась.

– Слушай, а может ты со мной поживешь? Ты же не против?

Я согласился. Мне так намного удобнее. Юля будет рада близости ко мне. Родители удивятся, конечно, но в душе примут мое переселение с облегчением.

Перед прощанием мы с Юлей целовались. Приятно, даже если не всё тело работает.

5. Первый амулет на Земле

Теперь, когда вопрос с моим выздоровлением принципиально разрешился, можно было задуматься о будущем. О том, как я собираюсь устроиться в этой жизни, чем заниматься, чем зарабатывать.

Я уже решил, что зарабатывать убийством не хочу. Опасно это.

Но это не значит, что я должен быть безоружным. Моя параноя говорит: «Готовь сани летом, а оружие – всегда».

Конечно, я могу убить любого, кто находится достаточно близко и в поле моего зрения. Просто разорвать ему связь тела и души. Или применить парочку простейших *мыслеформ*, которые успел выучить в Том Мире. Но на Земле такой способ убийства не очень подходит. Просто потому, что я вынужден буду находиться рядом с жертвой. Уже после первой загадочной смерти возникнут вопросы, начнется следствие, меня отметят в бумагах, как свидетеля. После второй смерти странности сопоставят и получат намек на ответ.

Мне нужен амулет, который будет убивать дистанционно. Расстояние и преграды – это не проблема, для магии они не имеют значения. Надо только четко задавать цель. Как ее задавать? По образцам волос или крови – неудобно, эти образцы сложно добыть. А вот по фото – очень даже. А на чем я буду смотреть эти фото? На планшете.

Так появилась идея сделать боевой амулет на базе обычного планшета.

* * *

Я слишком плохо знал магический алфавит, чтобы составить схему сложного амулета. Это Тимос Русский в зубодробительных схемах большой специалист, а я – нет. Поэтому я действовал, как и раньше – по методике ведьм.

Главный этап создания такого амулета – его *воображение*. Нужно четко сформулировать, чего ты хочешь добиться при его активации, а чего случиться не должно. Потом представить *образ* этого воздействия. *Образ* этот имеет две составляющие – первая часть задает способ воздействия, а вторая – результат.

В конечном итоге я остановился на таком варианте: вывожу на экран планшета изображение человека, подношу к нему палец и через этот палец активирую амулет своей *энергией*. У человека с фото отсекается душа от тела, и он мгновенно умирает без мучений и видимых повреждений.

Так использовать этот планшет для убийства смогу только я. Ну, еще Юля сможет, она же умеет теперь пользоваться *энергией*, я ей показал, как это делается. Но она пока не знает, что такой планшет-амулет существует.

Создание амулета заняло не так уж много времени – я уже давно научился делать похожие вещи.

* * *

«Надо его испытать».

«Испытать надо на человеке».

Были бы враги, испытал бы на них. Но я на Земле даже достойными врагами не успел обзавестись.

Не мстить же Татьяне за ту аварию? Если бы я оставался землянином Андреем Денисовым, может и злился бы на нее, считал, что она испоганила мне жизнь. Но сейчас я знаю, что нет ничего хуже смерти, а смерть – не так уж и плохо. Да, плохо быть больным и слабым. Но можно ли считать слабым человека, у которого есть голова, две руки и подключение к сети? А у меня еще и магия есть.

Не мог я всерьез злиться и на бывших собутыльников и подружек за то, что забыли меня и не рвутся общаться с калеккой. Я сам выбирал такое окружение. Мне не нужны были настоящие

друзья, мне нужна была любовь. Но когда хочешь любви больше, чем способен отдавать в ответ, так и получается, вместо любви – иллюзия.

Но эксперимент на ком-то ставить было нужно.

«Кого мне не жалко?».

После усвоения памяти Бенека и года жизни в Том Море я стал относиться к убийству спокойно, но это не значит, что я маньяк, способный убивать направо и налево. Во-первых, зачем? Во-вторых, убивать нужно только тех, кто достоин смерти и дал согласие на свое убийство. Так справедливо.

Вот, скажем, солдат подписывает контракт на военную службу. Он понимает, что теперь его работа – убивать. В мирное время сам факт наличия армии сдерживает врагов и делает убийства ненужными, но если придется – солдаты убивают. А раз они убивают, значит могут быть убиты сами.

То же самое относится к преступникам. И не только к тем, кто планирует убийство. Те, кто готовят вооруженное ограбление или изнасилование, должны понимать, что в процессе могут возникнуть всякие отклонения от плана, и в результате люди погибнут. Если преступник этого не понимает – он глуп и достоин смерти уже за то, что портит своим присутствием генофонд человечества.

Конечно, никто не идет в армию или в преступники, чтобы погибнуть. Идут, чтобы побеждать и убивать врагов, или чтобы озолотиться. Но если идут – значит, согласие на собственное убийство дано.

Кроме военных и преступников есть еще одна категория тех, кто неявно дал согласие на свое убийство. Это люди власти. Сами они не стреляют, они отдают приказы. Но в результате выполнения этих приказов гибнут люди. Аристократы Того Мира знают это и честно признают. И сами идут в атаку во главе своей дружины. А политики Земли делают вид, что они гуманны, как Санта Клаус.

«Кстати, а чем прославился Санта Клаус?» – мне стало любопытно. Я полез в сеть посмотреть.

Ой!

«Святой Николай ночью подкинул кошелек с деньгами в дом бедного горожанина, который, имея трех дочерей и не имея денег на приданое, задумал продать одну из них в публичный дом, чтобы иметь возможность выдать остальных».

Даже официальная версия событий выглядит, как вознаграждение не слишком хорошего человека. А если вдуматься? Некто, имеющий богатство и власть, да еще и под обетом celibата, он же епископом был, тайно дает большие деньги тому, кто собирается торговать телом своей дочери. С чего бы? Клаус-то, оказывается, при жизни шалуном был.

История о подарке ночного старика напомнила мне о политиках-демократах, которые любят дарить подарки неудачникам, чтобы привлечь их голоса на выборах, а затем, получив власть, трахать всё население в неудобных позах.

«Да, политик, однозначно политик!» – понял я, кто будет моей первой экспериментальной жертвой.

А какой именно политик?

Своего, отечественного взять? Я лениво перебрал несколько кандидатур. Некоторых из них, по моему глубокому убеждению, давно надо было поставить к стенке. Но возникают вопросы. Действительно ли они на что-то влияют, а не стали говорящими головами? А если даже влияют, не станут ли те, кто придет на их места, еще хуже?

Всё осложняется тем, что политики скрывают свои действия за правильными и хорошими словами. Я не специалист, не могу разобраться, кто из них просто вор, а кто – предатель. А кто – практичный человек, который добивается хороших целей не всегда хорошими методами. Как известно, добро и зло понятия относительные, так что ни один деятельный человек не может

быть хорош для всех. Нет, разбираться с нашими политиками я не готов. Просто недостаточно информации.

Проще взять иностранного. Им незачем скрывать свои намерения в отношении нас. Конечно, и эти тоже стараются не говорить вслух, что они готовы убить полмиллиона арабских детей ради усиления своего влияния. Но иногда всё же говорят, да и по их действиям многое можно понять.

Может, убить президента США? Он вроде как самый главный.

Я задумался. Президент вражеской страны – он точно враг? Не очевидно. Умрет этот, на его место придет другой. Политика страны от этого не изменится. Командира врага имеет смысл убивать в тот момент, когда его смерть внесет беспорядок в его войско, чтобы этим беспорядком воспользоваться. Или тогда, когда ему не найдется сильной замены. А просто смерть командира, сама по себе, никакой пользы не приносит. Убью я бесполезного старика, на его место придет энергичный лидер, который принесет много вреда всему миру. Лучше уж маразматик пусть занимает место, а его преемник стареет и приближается к собственному маразму.

Кого же тогда?

Я, недолго думая, набрал в сети запрос «Главные враги России». Вот захотелось мне быть патриотом, раз уж личными врагами я не обзавелся.

Оказалось – не всё так просто. Поисковик выдал списки стран, результаты опросов, высказывания политиков, а мне нужно не это, мне нужны конкретные персоны. Пришлось покопаться.

В конце концов я получил несколько имен. На первой позиции – глубокий старик, похожий на злобную жабу. Удивительное единство внешности и содержания.

«Ты-то мне и нужен!» – решил я.

Вывел на экран его фото крупным планом и активировал амулет.

Я не боялся, что может произойти ошибка. У человека может измениться внешность. Может существовать похожий двойник. Это не важно. Магия работает через знаки и связи. Если я нацелил удар по фото, сделанного с конкретного человека, удар по этому человеку и попадет, даже если он успел отрастить бороду и сделать подтяжку морщин. Даже если файл с фото много раз копировался и редактировался.

Теперь осталось только ждать. Завтра в новостях должны сообщить о кончине этого старого упыря, который до сих пор мстит моей стране за то, что семьдесят лет назад Советская Армия пинками сапог вытолкали его народ из нищего местечкового существования.

* * *

В это время в замке Планорт в кабинет хозяйки пришел некромант Лонгет. Его сопровождали скелет Петор и призрак Мартель.

– Госпожа, призраки-разведчики доносят. Магистры Гильдии мутят воду при королевском дворце Милоссии. Требуют, чтобы король не заключал с тобой соглашения и не давал роду Московских титул герцога.

Ланейла пожала плечами:

– Это ожидаемо. Они потеряют из-под своего влияния большой кусок королевства.

– Может, можно как-то с ними примириться?

– Исключено. Они посмели убить моего мужа. Смерти одних исполнителей мне мало. Пусть все директора Гильдии сначала потеряют власть, а потом своей кровью захлебнутся. Последний из них должен умереть еще до того, как мой сын возьмет в руки свой первый детский меч. Что король говорит?

– Король напомнил им, как магистры во время военных кампаний повышали цены на услуги боевых магов. Говорит – не потерпит, если магистры станут считать себя вровень с королевской властью и посягать на власть аристократов.

– Хорошо. Но и плохо тоже. Они не успокоятся, станут сами пытаться действовать. Постоянно держите в Гильдии призраков-разведчиков.

Лонгет покачал головой:

– Невозможно за ними постоянно следить. Они живут в своих особняках на территории Отеля Некромантов, почти не выходят. ОТЕЛЬ защищен от призраков, с этой защитой обычный призрак не справится, только господин Мартель, потому что он магией владеет. А один господин Мартель не сможет постоянно следить за пятью директорами.

– Мартель, делай, что можешь. Придется тебе постоянно перемещаться, просматривая, чем они заняты. Старайся надолго их не оставлять. Важные разговоры быстро не происходят – ты узнаешь, если они что-то задумают. Прости, что так тебя загружаю.

* * *

Остаток моего дня прошел в общении.

После обеда мне позвонила выпавшаяся и посвежевшая Юля. Я перевел ее в видеорежим.

По связи мы могли общаться, как обычные люди – ни блеск *энергии*, ни сексуальное напряжение, которое всегда возникает при общении ведьмы и сильного некроманта, через видео-картинку не проходили.

И это было замечательно.

Мы просто болтали.

Я объяснял свежеиспеченной ведьме основные приемы работы с магией и правила безопасности.

Скоро вопрос зашел о том, что ведьмы обычно делают со своими собственными телами.

– А ты как считаешь, у меня грудь красивая? – смутилась Юля.

Если честно, грудь у нее была почти как у мальчика. Хотя мне нравилось – она подходила ее фигуре и характеру.

– Тебе идет твоя грудь. Но есть технический момент. Ведьмы часто используют для воздействия влечение мужчин. Для влечения они должны быть сексуальными. А для этого нужно много гормонов. Молочные железы какие-то полезные гормоны вырабатывают, так что у всех ведьм грудь не меньше третьего размера. Больше не советую, это лишнее, я считаю.

Долго объяснял Юле, как менять свое тело. Сам я не умею такого, но со слов знакомых ведьм что-то знаю. Принцип всё тот же – воображаешь желаемый результат и подпитываешь образ *энергией*. Главное, не ошибиться и понимать, что тело должно меняться естественным образом. А то пожелаешь увеличение груди, а у тебя за ночь опухоль вырастет на ее месте.

– И что, вот она так прямо и вырастет? – на лице девушки было написано, что она готова прямо сейчас разорвать связь и заниматься своей красотой.

– Вырастет. Не сразу, может за месяц. Вот если ты цвет глаз захочешь кардинально изменить – тогда сложнее, а грудь увеличить или мышечную силу – вообще не проблема.

– А омолодиться немного?

– И омолодить внешность не проблема. Достаточно кожу сделать более упругой.

Потом позвонила мать.

Я предупредил ее, что после выписки буду жить не дома, а у подруги.

Мать была сильно удивлена. Для порядка попыталась убедить меня, что это неприлично и странно, но в душе обрадовалась тому, что обо мне позаботится кто-то другой, а ее жизнь не изменится.

Я успокоил ее, сказал, что у нас с Юлей деловые отношения – я ее нанимаю за деньги, которые мне заплатил Барановский. Она будет за мной ухаживать и проводить реабилитацию. А я найду себе работу на удаленке и буду сам зарабатывать на оплату ее услуг.

Вопрос заработка оказался злободневным. Я думал, та сумма, которую я получил от отца Татьяны, достаточно большая, чтобы первое время не экономить. Оказалось – нет. Достаточно

было прицениться к креслам-каталкам с электромоторами и становилось понятно – деньги разойдутся гораздо быстрее, чем я думал. Впрочем, у меня теперь есть личная ведьма, теперь мне не нужно тратить на дорогое кресло или лекарства.

Вечером позвонила Татьяна. Оказывается, она вылетает в Россию. Завтра обещает встретиться со мной лично.

* * *

С утра новостные каналы сообщили о смерти моей экспериментальной жертвы. Никто не удивлялся. Все решили, что сердце политического зубра остановилось от старости, ему было почти сто лет.

Вот и славно. Большие дела любят тишину.

У меня в списке врагов было еще два имени. Но их я ликвидирую позже, чтобы публика не обратила внимание на совпадение сроков.

* * *

На следующий день приехала Татьяна. Она смущалась из-за чувства вины, стеснялась того, что сильно растолстела на американской пище, и ее что-то тревожило. Что-то личное, не связанное со мной.

Мы поболтали ни о чем.

– У тебя всё в порядке? – не выдержал я и спросил прямо.

– Да! Всё хорошо! – с преувеличенным энтузиазмом ответила она.

Поболтали еще.

Ее телефон зазвонил. Она дернулась испуганно – узнала звук сигнала.

Ответила, вышла за дверь, стала о чем-то говорить. Громко. До меня доносились отдельные слова, она оправдывалась перед кем-то.

Потом вернулась грустной.

– Кто звонил?

Татьяна вздохнула и рассказала.

После первых попыток наладить личную жизнь она сообразила, что американские парни в лучшем случае странные, а в худшем – относятся к ней, как к развлечению, безопасной замене американок, жадных до денег и двинутых на своих правах. Ее это не устраивало.

Она стала встречаться с русским парнем. Русского парня зовут Рашид, его отец сидит в правлении одной из нефтедобывающих компаний. Парень приехал в США на учебу. Правда, заниматься учебой ему оказалось неинтересно, зато он хорошо одевался, знал все модные клубы, умел красиво ухаживать. Сначала было весело, а потом оказалось, что он плотно сидит на крэке, и с головой у него не всё в порядке.

– Он грозит, что прилетит в Москву, требует, чтобы я вернулась к нему, – закончила девушка.

– Он опасен?

– Да, у него иногда крышу перекашивает капитально. Я его боюсь.

Я вздохнул. Вроде Татьяна уже не моя головная боль, но она была моей женщиной какое-то время.

По представлениям Того Мира если ты взял себе женщину – должен заботиться о ней пожизненно. Потому что от отношений бывают дети, а детей обратно в утробу не запихнешь. Молодость и красоту тоже не вернешь.

На Земле всё не так, но где-то в глубине души я продолжаю считать, что несу ответственность за эту взбалмошную девицу.

– У тебя есть его фото?

– Есть, – удивилась.

– Перешли мне.

Она скинула мне фото своего мачо. Я открыл его на планшете, глянул скептически. Не люблю таких. Что женщины в них находят? Впрочем, я вообще парней не могу оценить с точки зрения любви.

Оценил все «за» и «против».

Возможность для действия – есть.

Повод вмешаться есть – ко мне обратилась за защитой женщина, за которую я всё еще считаю себя ответственным.

Причина чувственная есть – когда самец угрожает самке – это мерзко. Жизнь и здоровье молодой самки в несколько раз ценнее жизни самца. Это биология. Если самец этого не понимает – он вреден для вида и должен быть устранен. Идея, что любая человеческая жизнь одинаково бесценна – глупа и вредна. Она позволяет нам уживаться в плотно заселенных городах, но природу не обманешь – агрессивность сначала нарастает, проявляя себя в инфантильности или бытовой жестокости, а потом прорывается очередной войной.

Осталось придумать причину для разума. Если есть желание что-то сделать, нет ничего проще поиска логического оправдания. Чем не причина – Татьяна может остаться в моем круге общения и даже быть полезной, мне не нужно, чтобы рядом с ней появился агрессивный создатель проблем.

Повод, желание, оправдание и возможность сошлись в одной точке.

– Да будет так, – пробормотал я себе под нос.

Пробормотал, и активировал работу амулета. Где-то на другой стороне земного шара человек, чье фото я видел на своем планшете, упал без признаков жизни. Татьяне я этого, конечно, не сказал.

– Не переживай, – утешил я ее. – Если он прилетит и станет устраивать тебе проблемы, позвони мне, я попробую помочь.

Татьяна не поверила, но успокоилась.

6. Переезд

В день моей выписки Юля дежурила в больнице. Она заранее купила и принесла инвалидное кресло с большими колесами, которые можно крутить руками. Оно пригодится мне, чтобы ездить по квартире. Дома у себя она тоже всё подготовила к моему приезду. За годы работы она уже имела дело с парализованными пациентами и знала, что именно мне потребуется для более удобной жизни.

Пришли мои родители.

Больница выделила машину.

– Пора, – появилась с документами Юля. Она отпросилась на пару часов, чтобы помочь мне с переездом.

Первый сюрприз обнаружился, когда мы спустились к машине. Оказалось, что в ней не предусмотрено устройств для загрузки инвалида в кресле. Носилки с лежащим больным можно грузить через заднюю дверь, а коляску – только поднимать на руках.

Оценив трудоемкость задачи, отец предложил ехать на его машине, а больничную отпустить. Действительно, оказалось, что пересадить меня с каталки на пассажирское сиденье седана намного проще. Я даже сам с этим справился, только кресло складывать в багажник пришлось спутникам.

Следующая проблема обнаружилась в подъезде Юлиного дома. Дом был старый, от входа к лифту шел пролет крутой лестницы. Лет десять назад на него положили сваренный из швеллера пандус для колясок, но въехать по нему самостоятельно я бы не смог. И с помощью шуплой Юли – тоже не смог бы. Даже отец затолкал меня вверх с заметным усилием.

«Придется сидеть в квартире, пока не встану на ноги» – понял я.

«А если бы я навсегда остался парализованным, пришлось бы покупать кресло с электротрягой. А оно стоит, как приличный автомобиль».

«Быть инвалидом – это дорого».

* * *

Квартира у Юли оказалась двухкомнатной. Мне она выделила диван в гостиной.

В наследство от бабушки девушке досталась кое-какая мебель. Большие напольные часы с маятником в красивом резном шкафчике с застекленной дверцей. Они громко тикали. Огромный массивный комод с широкой столешницей и полкой, закрепленной над ней на двух резных столбиках. Кресло-качалка, плетеное из лозы. За стеклянной витриной серванта времен СССР среди залежей хрусталя стоял набор маленьких чашечек из старого китайского фарфора. Эти вещи бросались в глаза на фоне современной недорогой обстановки и отделки.

– Ну, вот твое лежбище, – хозяйка показала мне диван, который должен стать моим основным пристанищем на ближайшие месяцы.

Девушка показала мне и родителям всё, что может мне понадобиться, оставила матери запасной ключ от квартиры и ушла на дежурство.

Мать приготовила мне кашку, потом уселась рядом. На лице – желание поговорить.

– Юля хорошая девушка, – начала она.

– Угу.

– Она на тебя так смотрит, как будто влюблена.

Свежеиспеченная ведьма действительно постоянно оказывала мне знаки внимания и хлопотала вокруг моей тушки, как наседка вокруг любимого яйца. Иногда невзначай касалась бедром моей руки.

– Угу.

– Но... как?

– Медсестры часто влюбляются в пациентов. Я читал об этом.

– Но у тебя же... это же... – она развела руками, показывая бесперспективность отношений со мной.

– Не переживай. У нас деловые отношения. И духовная близость.

Разговор постепенно затух.

Присутствие родителей стало тяготить. Хотелось тишины и свободы. Я сказал, что устал, хочу поспать и предложил родителям ехать домой. Пообещал, если что понадобится – позвоню.

Они ушли, а я выбрал себе в сети сериал и с наслаждением стал его смотреть серия за серией. В Том Море сериалов не было, после долгого перерыва было интересно вернуться к цивилизованному способу убийства времени.

* * *

Вечером мне захотелось пить, я попытался съездить на кухню и... переоценил свои возможности. На обратном пути, перебираясь с кресла на постель, я упал.

Я лежал на полу. Слабые руки отказывались поднимать мое тело на диван. Ноги были бесполезным грузом.

– Ты Бенек Повелитель Смерти или вялый червяк? – спросил я себя.

«Вялый червяк» – пискнул внутренний голос.

– Нет. Я – Бенек Повелитель Смерти, маркграф Московский. И могу себе позволить лежать, где мне удобно. А сейчас мне удобно на полу.

Я стащил с дивана подушку и устроился с комфортом. Оказалось – действительно удобно.

Планшет остался на постели. Без него скоро стало скучно. Пришлось после отдыха сделать еще одну попытку подъема, на этот раз удачную.

Когда я расположил свое тело на диване, был потным от усилий, усталым, но улыбался.

Совсем недавно я был способен выйти в полном доспехе с мечом против нескольких соперников. Или забраться по веревке на крепостную стену. Или скакать на коне.

Но сейчас подняться самостоятельно с пола на кровать – более важное достижение. Это разница между человеком, который ничего не может, и человеком, который может перемещаться по квартире.

* * *

Утром пришла взволнованная Юля.

– Как ты тут?

– На удивление неплохо. До верхних полок не достаю, помыться самостоятельно мне не светит, готовить на плите неудобно, но в целом – неплохо. Осталось научиться самостоятельно переодеваться...

– Ничего, скоро мы тебя вылечим. Я продумала план лечения.

– И какой же?

– Я подумала – тебе надо наращивать мышечную массу, чтобы стать сильнее. Но для этого надо хорошо питаться. Чтобы хорошо питаться, надо привести в порядок органы пищеварения. Вот с них и надо начинать.

– И рост нервов в позвоночнике надо время от времени подстегивать. Возможности организма не бесконечны, но если обновлять воздействие – получится быстрее. Я знаю, ведьмы так делают.

– А не знаешь, что с удаленной почкой делать?

– Вырастить новую. Отрубленную руку или ногу можно вырастить, чем почка хуже?

– Ух ты! И удаленную часть кишечника можно отрастить?

– Определенно.

Юля покопалась в сумочке, добыла листок бумаги.

– Вот тут у меня план лечения. Сейчас кое-что подправлю, и начнем.

Я объяснял Юле, как проводить диагностику и воздействовать на тело, – насколько сам знал это по рассказам знакомых ведьм из Того Мира. Девушка такие вещи понимала с полу-

слова – ей помогала мощная интуиция, которая сопутствует сильному дару ведьмы. Понимала, пробовала на мне. Потом через некоторое время проверяла результат.

Кроме магического воздействия я получал регулярный массаж, витамины, а еще – разрабатывал мышцы. Для этого у Юли нашлась пара гантелей.

* * *

Между нами установились немного странные отношения. Юля испытывала ко мне влечение. И я испытывал, насколько был способен. Я пытался убедить ее брать под контроль гормоны, но ей нравилось хотеть меня. Она постоянно стремилась находиться рядом и в свободное время обычно просто лежала, прижавшись, пока я занимался чем-то своим. Это было тепло, мягко и уютно. Пригревшись, она начинала несмело ласкать меня, я ей отвечал. Возможности для полноценного секса у меня не было, но пальцы и губы тоже многое могут.

* * *

Родители сначала приходили часто и надолго, потом – реже. Скоро я понял, что они делают это, потому что считают, что должны поступать именно так. Хорошие родители должны посещать больного сына. Вот они и посещают.

Меня это напрягало, ведь мне приходилось в ответ играть роль любящего сына, который рад видеть родителей.

Я попросил Юлю убедить их, что это всё – необязательно. Даже объяснил ей, как ведьмы воздействуют на людей, когда хотят повлиять на их решения. При следующем появлении матери я наблюдал замечательный концерт с Юлей в главной роли.

– Андрей замечательно себя чувствует... Он очень рад что вы приходите так часто, но это необязательно, у вас же есть много своих дел...

Ее голос приобрел мелодичные журчащие оттенки, которые используют ведьмы для влияния на людей. Ей еще не хватало богатства тонов и грудных ноток, ее организм еще не перестроился так, как это происходит у опытных ведьм, но у нее уже получалось воздействовать.

– Да, я хорошо о нем забочусь, не волнуйтесь... Да, вот когда я буду на дежурстве – приходите, а завтра не надо... Нет, не обязательно приходить надолго, можно просто заскочить, проверить как он тут... Он и сам может о себе позаботиться, да... Можно зря не ехать, позвонить и спросить, или, если что-то понадобится, он сам вам позвонит, он же взрослый мальчик...

В результате этого разговора мать прекратила свои регулярные посещения и ограничилась регулярными созвонами.

* * *

В замке Планорт рядом с маркграфиней Ланейлой возник призрак.

– Приветствую, Мартель.

– Хорошего тебе здоровья, госпожа. У меня новости.

Ланейла приказала сопровождающим оставить их с призраком наедине.

– Отряд, который вез волосы господина Бенека, успешно добрался и передал образец моему господину. Он сразу попытался вызвать душу покойника, но ничего не получилось.

– Что это значит? – всполошилась Ланейла.

– Скорее всего это значит, что твой муж уже находится в живом теле. Возможно, он успел переродиться. Хотя есть еще одна возможность – что существует еще один некромант, такой же сильный, как господа Тимос и Бенек, и он успел раньше вызвать призрак твоего мужа и закрепить его в материальном мире.

– И что же теперь?

– Господин Тимос разрабатывает схему *мыслеформы*, которая пошлет меня в то место, где сейчас находится душа твоего мужа. Я увижу, что с ним, если удастся – поговорю. Потом вернусь и расскажу, что случилось. Если он стал младенцем и потерял память, тут ничего не

поделаешь, а в прочих случаях – попробуем его вернуть. Живым или призраком – как получится.

7. Контакт между мирами

Я лежал на животе и получал массаж, Юля сидела верхом на мне.

Вдруг ее руки замерли.

Я насторожился, не сразу сообразил почему. Потом понял – краем глаза я заметил движение *энергии*.

Я поднял голову и с изумлением увидел перед собой неподвижного призрака. Он выглядел, как горский наемник в хорошей броне.

– Призрак? – удивилась Юля.

– Погаси свет, – попросил я ее. – Будет лучше видно.

– Господин Бенек? – с опаской поинтересовался призрак на низотейском языке, глядя в пустоту поверх меня.

– Ты кто? – ответил я тоже на низотейском.

– Я? Я Гарен, служу господину Тимосу, – с облегчением сообщил мне призрак. – Он прислал меня к тебе, посмотреть где ты. погоди, сейчас я ему скажу, и он господина Мартеля пришлет. Господин Мартель больше знает, меня первым послали, только чтобы глянуть, не опасно ли тут для призраков.

Посланец исчез.

Скоро на его месте появился знакомый мне призрак некроманта Мартеля.

* * *

– Господин Бенек? – настороженно спросил Мартель, уставившись глазами куда-то прямо перед собой.

– Здравствуй, Мартель.

– Что это за странное место?

– Почему странное?

– Я ничего не вижу. Вижу тебя, как переплетение *струн родства*. Мы на *изнанке*?

– Нет, мы в материальном мире. Просто очень далеко.

– Базис ориентации в пространстве, вплетенный в заклинание призыва, позволяет призраку видеть пространство в пределах всего мира. Ясность зрения зависит от расстояния до места призыва, но я должен был бы увидеть хоть что-то.

– Мы дальше, за пределами мира.

– За пределами мира очень низкий фоновый уровень *энергии* и призраки не могут нормально существовать. А тут уровень *энергии* высок, – дотошный мертвый некромант не сбивался с темы.

– Мы в другом мире. Тут много людей, они фонят *энергией*.

– Чрезвычайно интересно. Я вернусь к господину Тимосу, сообщу ему. Что-то передать от тебя?

– Да. Передай, что я после смерти вернулся в свое прошлое тело. Оно оказалось еще живым.

Призрак выпучил от удивления глаза. Что тело могло больше года жить без души, для него оказалось большим потрясением. Но он смолчал и просто исчез.

Вернулся через минуту.

– Господин Тимос пришел от моих слов в некоторое возбуждение. Он передал, что если ты умрешь, он призовет тебя призраком и попытается найти способ дать тебе новое живое тело. Но считает, что торопиться с этим не стоит. Сначала нужно провести опыты на рабах. Чтобы твоя смерть не прошла незамеченной, он поручит одному из призраков-разведчиков постоянно сопровождать тебя. Если ты не против.

Потом Мартель от себя добавил:

– Дежурный призрак сможет передавать сообщения от тебя в наш мир. Не только господину Тимосу. Наверное, тебе есть что сказать твоей жене и подданным.

– Передай Тимосу, что я благодарен.

Мартель помялся немного, спросил:

– Господин Бенек, я не вижу рядом с тобой свечения защиты. Это опасно.

– Тут нет защитных амулетов, а сам я сделать не могу. Не знаю схемы. Я даже магических знаков знаю слишком мало. Ты мог бы мне помочь?

– Я помню схему основы защиты, как гильдейской, так и разработанной моим господином. И схемы большинства приложенных к ней дополнений помню. Но я не могу их начертить. Я даже не смогу проверить правильность того, что нарисуете ты – я же не вижу тут пространства. Только *струны родства*.

– Что же делать?

– Найди ведьму, скажи ей – пусть приведет тебя в состояние проясненной памяти. Ты сможешь вспомнить всё, что когда-либо видел. Я знаю, магистр Петор показывал тебе свиток с магическим алфавитом, и схемы защитных амулетов, и многие другие.

Совет был хорош.

Я попрощался с Мартелем.

* * *

Вместо него возник тот призрак, что пришел первым, Гарен.

– Мне приказано служить тебе, пока не отошлешь.

– Ты бывал в Планорте? Мою жену, Ланейлу, видел? Сможешь ее найти?

– Да.

– Передай ей сообщение.

Я сообщил жене, что жив в полном смысле этого слова, но нахожусь далеко и вернуться пока не способен. В конце добавил, что люблю ее. Сообщение пришлось составлять на низотейском языке, милосского, родного для Лани, мой посыльный не знал.

Призрак исчез.

– Что это было? – подала голос Юля.

Я объяснил. Что это призраки из Того Мира, их прислали ко мне, сумели нацелить их на мою душу. Что я передал сообщения хозяину призраков и своей жене.

– У тебя там есть жена? – вычленила Юля самое главное.

– Жена, сын-грудничок. Есть еще дочь, но ее я не видел, она рождена от ведьмы, ведьмы в Том Мире сами свое потомство воспитывают. Еще есть вассалы и подданные.

– Ты туда вернешься?

– С этим сложно, – честно сказал я. – Пока не знаю.

Тут появился призрак, Гарен, с ответом от Лани, и я отвлекся.

Мы пообщались с женой. Говорили с паузами, короткими сообщениями, которые мог запомнить и пересказать призрак. Почти как обмен смс-ками, только вслух.

Я рассказал, в каком состоянии нахожусь, что ведьму нашел и буду лечиться, что перебраться в Тот Мир могу, только умерев, но это рискованно.

Ланейла рассказала, что произошло после моей смерти. По ее словам, всё шло неплохо:

– Тимос пообещал военную помощь, в случае чего.

– Король склоняется к тому, чтобы признать наш род герцогами, но Лани считает, что пока он не готов принять окончательное решение, будет тянуть время до осени, а там – в зависимости от результатов летней военной кампании.

– Руководство милосской Гильдии задумывает каверзы, за ними установлена слежка, но кардинально решить проблему Лани пока не может.

– Сын здоров, хорошо кушает и спит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.